Б5
35

А. И. Яроцкій,
ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Альтруистическая мораль

и ея

индивидуалистическое обоснованіе.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1914.

2 ЖЗ
1в

Пров. 1959

Пр.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

865
32

Предлагаемая работа представляетъ собой докладъ, читанный въ Обществѣ Естествоиспытателей при Юрьевскомъ Университетѣ въ засѣданіи, посвященномъ памяти К. Е. фонъ Бера и была напечатана въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ за 1913 г. въ Кн. 117 (2-ой) подъ заглавіемъ „О возможности индивидуалистическаго обоснованія альтруистической морали“. Она является попыткой врача-естествоиспытателя разобраться въ вопросахъ этики. Было бы несправедливо предполагать, что на эту тему авторъ натолкнулся нечаянно, что она не связана съ основнымъ направленіемъ его работы и представляетъ только плоды его досуга. Какъ не кажется содержаніе этой работы далеко отстоящимъ отъ обычнаго круга вопросовъ занимающихъ врача, въ настоящемъ случаѣ оно вытекло изъ чисто медицинской темы. Впечатлѣнія отъ обычной врачебной работы въ теченіе ряда лѣтъ привели автора къ убѣжденію о важномъ значеніи, которое имѣютъ душевные процессы человѣка, особенно высшіе стороны душевной жизни, на устойчивость его тѣла въ борьбѣ съ вредными факторами жизни. Человѣкъ въ общемъ, по убѣжденію автора, живетъ столько, насколько у него хватаетъ содержанія его душевной жизни. Умираніе организма обычно начинается съ отмиранія его душевныхъ силъ: опустошается душевный міръ человѣка и тогда его тѣло оказывается не въ силахъ противостоять вреднымъ вліяніямъ окружающей среды (см. мою книгу „Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ“). Ходъ доказательствъ этому положенію слѣдующій. Зависимость физіологическихъ отправленій организма отъ психической жизни несомнѣнна. Работы послѣднихъ десятилѣтій, въ томъ числѣ И. П. Павлова надъ физіологіей пищеваре-

нія и изслѣдованія надъ физіологіей железъ съ внутренней секреціей (щитовидной и другихъ) дали особенно много фактовъ въ этомъ направленіи. Отъ нормальнаго хода душевныхъ процессовъ зависитъ нормальный ходъ дѣятельности сердца и органовъ пищеваренія и обмѣна химическихъ веществъ въ организмѣ. Яркое, бодрое настроеніе духа является важнымъ условіемъ для нормальнаго хода физіологическихъ процессовъ тѣла. Но, мнѣ возражали на мой тезисъ, выставленный выше: ну, да, ясно, что бодрый и сильный духъ въ высшей степени благотворно дѣйствуетъ на процессы тѣла. Но, не доказано, что альтруизмъ, чувство долга, способность отвѣчать на глубокіе политическіе, религіозные и соціальные запросы жизни являются факторами, влекущими за собою яркое, бодрое, устойчивое душевное настроеніе. Наоборотъ, это все представляетъ собою такое направленіе душевной жизни, говорятъ возражающіе, которое дѣлаетъ душевный міръ человѣка болѣе неустойчивымъ, ранимымъ, подверженнымъ неблагопріятнымъ ударамъ жизни. Наоборотъ, эгоизмъ, узкій индивидуализмъ, по ихъ мнѣнію, дѣлаютъ человѣка наиболѣе застрахованнымъ отъ ударовъ судьбы и обезпечиваютъ ему яркость душевныхъ процессовъ.

Эта работа и представляетъ собою попытку автора разобраться въ вопросѣ о томъ, каково должно быть направленіе душевной жизни, чтобъ обезпечить послѣдней наиболѣе яркое, полное и устойчивое содержаніе. Она представляетъ собою попытку выяснить роль альтруистической морали и чувства долга, какъ условій устойчивости и богатства душевной жизни.

Проф. **А. Яроцкій.**

2-ое Декабря 1913-го года.

Въ концѣ своей работы я хотѣлъ бы добавить еще слѣдующія два положенія, которыя, такъ какъ печатаніе ея закончено, помѣщаю здѣсь.

Представляетъ ли изложенная въ этой работѣ точка зрѣнія на нравственность утилитаризмъ? Въ бесѣдахъ мнѣ не

разъ приходилось слышать, что моя точка зрѣнія есть ничто иное, какъ утонченный утилитаризмъ, утилитаризмъ второго порядка, что человѣкъ, хотя бы онъ и не стремился къ внѣшней пользѣ и выгодѣ, согласно этой точкѣ зрѣнія долженъ поступать нравственно въ виду того, что это является для него средствомъ достичь наиболѣе яркой, полной и счастливой жизни. Мнѣ кажется это замѣчаніе не вполнѣ справедливо. Съ моей точки зрѣнія человѣкъ поступаетъ нравственно, потому что это соотвѣтствуетъ глубокимъ основамъ его душевной природы; то обстоятельство, что это поведеніе является, какъ мы старались показать, въ высшей степени благодѣтельнымъ для него (и слѣдовательно полезнымъ), очень важно для объективной оцѣнки его поведенія, но не дѣлаетъ его поведенія въ силу этого утилитаристичнымъ. Человѣкъ поступаетъ нравственно въ силу внутренняго импульса: его поведеніе было бы утилитаристичнымъ только въ томъ случаѣ, если бы онъ поступалъ по разсчету, но этого то и нѣтъ въ этомъ случаѣ. Такъ, религіозный человѣкъ знаетъ, что за исполненіе заповѣдей онъ получитъ блаженство, но онъ религіозенъ и живетъ по заповѣдямъ не изъ за этого, а потому что это вытекаетъ изъ его душевнаго склада; въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы истинно религіознымъ человѣкомъ.

Нравственнымъ поведеніемъ съ нашей точки зрѣнія будетъ такое поведеніе, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ законамъ человѣческой природы, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ предписаніямъ душевной гигіены, и которое въ силу этого наиболѣе полезно для индивидуума, принимая терминъ полезное не въ смыслѣ внѣшнихъ выгодъ, а въ смыслѣ внутренняго блага, здоровья. Это опредѣленіе нравственности, какъ мнѣ кажется, совершенно совпадаетъ съ опредѣленіемъ нравственности у Спинозы. Въ подтвержденіе этого можно привести слѣдующія цитаты изъ „Этики“.

„Такъ какъ добродѣтель есть ничто иное, какъ слѣдованіе законамъ своей собственной природы и каждый стремится сохранить свое существованіе только согласно законамъ своей собственной природы, то изъ этого вытекаетъ: во первыхъ, что основа добродѣтели заключается въ стремленіи сохранить свое существованіе и счастье въ томъ, что человѣкъ

можетъ сохранить свое существованіе. Во вторыхъ, слѣдуетъ, что къ добродѣтели нужно стремиться ради ея самой и что не существуетъ больше ничего болѣе цѣннаго или полезнаго для насъ, ради чего слѣдовало бы стремиться къ добродѣтели . . .“ [1])

„Если поступки вытекаютъ безусловно изъ добродѣтели, то это есть для насъ ничто иное, какъ поступать согласно стремленію къ собственной пользѣ подъ руководствомъ разума, жить и сохранять свое существованіе (эти три выраженія обозначаютъ одно и то же)“.

Б. Поступать безусловно согласно добродѣтели это значитъ поступать согласно законамъ собственной природы“ [2]).

---

1) B. von Spinoza. Ethik. Philosophische Bibliothek, herausgegeben von J. H. von Kirschmann. Leipzig, 1877. IV. Theil. Von der menschlichen Knechtschaft. L. 18, E., S. 181.

2) Ibidem. L. 24, S. 185.

Изслѣдуя поведеніе людей, мы замѣчаемъ два направленія ихъ дѣятельности: одна часть ихъ поступковъ направлена на сохраненіе и достиженіе непосредственнаго блага самого дѣйствующаго лица, между тѣмъ какъ другіе поступки имѣютъ цѣлью благо близкихъ ему людей, благо потомства, интересы рода, племени, наконецъ, можетъ быть, интересы всего человѣчества. Правда, между этими двумя направленіями поведенія не всегда легко провести границу: одинъ и тотъ же поступокъ можетъ въ одно и то же время служить на пользу какъ дѣйствующаго лица, такъ и болѣе широкихъ интересовъ. Такъ, заботясь о самосохраненіи, живое существо въ то же время служитъ и интересамъ своего рода, такъ какъ благосостояніе послѣдняго зависитъ отъ наличности наибольшаго числа возможно болѣе здоровыхъ и сильныхъ индивидуумовъ. Всѣ тѣ процессы, которые относятся къ размноженію, обычно сопровождаются такимъ повышеніемъ интенсивности жизненныхъ процессовъ, что это ведетъ, большею частью, къ процвѣтанію индивидуума. Однако, въ общемъ, мы легко можемъ установить наличность этихъ двухъ направленій въ дѣятельности людей. Характерная черта второй изъ этихъ группъ поступковъ заключается въ томъ, что здѣсь личность ограничиваетъ свое поведеніе ради интересовъ, лежащихъ внѣ ея. Если эти поступки отражаются въ сознаніи, а обычно это и не можетъ быть иначе, то они относятся къ области нравственности.

Поступки такого рода и душевныя движенія, наблюдаемыя при этомъ, не составляютъ исключительной особенности только людей, но наблюдаются и у высшихъ, живущихъ обществами,

животныхъ. Такъ, Брэмъ въ своей «Жизни животныхъ» приводитъ замѣчательное наблюденіе, цитируемое Дарвиномъ, о томъ, какъ старый самецъ павіанъ, съ опасностью для собственной жизни, спасъ отъ стаи собакъ дѣтеныша. Все поведеніе павіана въ этомъ случаѣ вполнѣ походило на дѣйствія человѣка-героя при подобныхъ же обстоятельствахъ [1]). Подобные же факты встрѣчаются въ жизни и другихъ стадныхъ животныхъ. Этимъ двумъ указаннымъ выше направленіямъ внѣшней дѣятельности въ психикѣ соотвѣтствуютъ, въ общихъ чертахъ, два направленія душевной жизни: эгоизмъ и альтруизмъ.

Обратимся теперь къ вопросу, какъ относятся другъ къ другу эти два основныхъ направленія душевной дѣятельности. Нельзя не согласиться съ Зиммелемъ, что было бы весьма неосновательно отказывать одному изъ нихъ въ самостоятельномъ значеніи, сводя проявленія его къ проявленіямъ другого. Нельзя одно изъ нихъ, напримѣръ, эгоизмъ, считать естественнымъ и признавать другое—альтруизмъ, производнымъ, искусственнымъ. Есть мало понятій, говоритъ Зиммель, съ которыми производилось бы столько злоупотребленій, столько кажущагося познанія вещей, какъ съ понятіемъ естественнаго. Ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать, по его словамъ, что собственно значитъ, что эгоизмъ есть естественное душевное стремленіе, а альтруизмъ нѣчто другое. Надо или противопоставить сознаніе со всѣмъ его содержимымъ природѣ, какъ лишенному сознанія существованію, противопоставить всякое дѣйствіе, руководимое цѣлью, чисто механическому ходу вещей, но тогда и эгоистическая воля не войдетъ въ понятіе просто «природы», или надо считать за природу всю совокупность познаваемыхъ явленій, и тогда къ природѣ (естественному) будетъ относиться какъ пожертвованіе эгоизмомъ, такъ и слѣдованіе ему.

Доказать, что эгоизмъ является основнымъ, естественнымъ душевнымъ движеніемъ пытаются, указывая на его большее распространеніе. Но по этому поводу нужно замѣтить, что наши душевныя движенія такъ сложны, такъ переплетаются другъ съ другомъ и видоизмѣняются подъ вліяніемъ внѣшней обстановки и взаимодѣйствія, что статистика въ этомъ отношеніи непримѣнима, и вопросъ о большей частотѣ эгоистическихъ

---

[1]) Брэмъ. Жизнь животныхъ. Спб., 1866, стр. 177.

и альтруистическихъ душевныхъ движеній нельзя рѣшить съ ясностью.

Эгоизму придаютъ основное значеніе еще потому, что сравнительно легко каждое дѣйствіе, хотя бы по существу альтруистическаго характера, объяснить эгоистическими мотивами, между тѣмъ эгоистическія дѣйствія объяснить альтруистическими мотивами большею частью не удается. Поэтому выставлять эгоизмъ основной душевной силой является болѣе удобнымъ, когда хотятъ сложное душевное содержаніе свести къ болѣе простой схемѣ и всю душевную наличность вывести изъ одного принципа. Такое стремленіе тѣмъ сильнѣе, что нашему сознанію вообще свойственна наклонность ради экономіи силъ сводить разнообразіе къ единому источнику. Но вѣдь задача изслѣдованія заключается не въ томъ, чтобы получить возможно болѣе простую и легко усвояемую схему, а въ томъ, чтобы достигнуть возможно болѣе полнаго и вѣрнаго представленія о дѣйствительности.

Эгоизмъ считаютъ основнымъ свойствомъ души еще вслѣдствіе того, что считаютъ возможнымъ доказать его болѣе раннее появленіе въ исторіи человѣчества и въ исторіи развитія ребенка по сравненію съ альтруизмомъ: всякій ребенокъ сперва эгоистъ и только потомъ ему дѣлаются доступными альтруистическія чувства. По этому поводу можно сказать, что мы почти совершенно не знаемъ людей первобытной культуры, живущихъ изолированно; всегда мы встрѣчаемся съ людьми, живущими группами, племенами, семьями, такимъ образомъ у нихъ эгоистическія и альтруистическія чувства должны встрѣчаться одновременно. Да, къ тому же, если бы мы и могли доказать, что эгоизмъ раньше появляется, чѣмъ альтруизмъ, это ничего не доказывало бы, какъ справедливо говоритъ Зиммель. Вѣдь у каждаго животнаго въ его развитіи мы сперва можемъ констатировать проявленіе голода, а потомъ съ наступленіемъ зрѣлости—полового чувства, но, вѣдь, это не говоритъ за то, что голодъ болѣе естественное чувство, чѣмъ половой инстинктъ [1]). Все это заставляетъ насъ принимать и эгоизмъ, и альтруизмъ за важныя и основныя свойства душевной жизни человѣка и заставляетъ избѣгать стремленія выразить все душевное содержа-

[1]) Simmel, l. стр., 86 и folgende.

ніе въ явленіяхъ только одного изъ этихъ двухъ направленій душевной дѣятельности.

Характерной чертой поступковъ, направленныхъ на пользу ближняго, является наличность сильнаго внутренняго, иногда непреодолимаго, стремленія дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи. Внутри насъ въ этихъ случаяхъ говоритъ какой-то голосъ, которому или нельзя не повиноваться, или ослушаніе которому сопровождается болѣе или менѣе мучительнымъ чувствомъ неисполненнаго долга. Насколько такое стремленіе дѣйствовать на пользу ближняго можетъ быть сильно и независимо отъ какихъ-либо побочныхъ соображеній, указываетъ примѣръ, приводимый Гюйо.

Одинъ изъ рабочихъ на заводѣ для обжиганія извести на Пиренеяхъ, спустившись въ печь съ цѣлью объяснить себѣ какое-то случившееся тамъ разстройство, падаетъ отъ удушья; къ нему бросается на помощь другой и падаетъ. Какая-то женщина, свидѣтельница катастрофы, зоветъ на помощь, сбѣгаются рабочіе. Въ третій разъ спускается человѣкъ въ раскаленную печь и падаетъ. Прыгаютъ четвертый и пятый и гибнутъ. Остается одинъ, онъ подбѣгаетъ и хочетъ прыгнуть, но вдругъ случившаяся тутъ женщина повисаетъ у него на платьѣ и, обезумѣвъ отъ ужаса, удерживаетъ его у края. Позже, когда на мѣсто происшествія явился прокурорскій надзоръ, чтобы нарядить слѣдствіе, спросили оставшагося въ живыхъ рабочаго насчетъ его необдуманнаго самоотверженія, причемъ чиновникъ съ важностью принялся доказывать ему все неблагоразуміе его поведенія; рабочій далъ удивительный отвѣтъ: «Товарищи мои умирали, нужно было идти туда».

Въ другихъ случаяхъ это внутреннее чувство является непреодолимой задерживающей силой. Такъ, опять же Гюйо приводитъ слѣдующій разсказъ американскаго проповѣдника Паркера: «Я былъ еще крошкой, мнѣ было не больше четырехъ лѣтъ; я никогда не убивалъ ни малѣйшей твари, но я видѣлъ, какъ другія дѣти находятъ забаву въ истребленіи птицъ, бѣлокъ и другихъ небольшихъ животныхъ. Однажды, въ неглубокомъ пруду я замѣтилъ небольшую крапчатую черепаху, грѣвшуюся на солнцѣ; я замахнулся было на нее палкой.. Вдругъ что-то остановило мою руку, и я услышалъ въ себѣ ясный и сильный голосъ, который сказалъ: это дурно. Весь пораженный этимъ

новымъ чувствомъ, этой невѣдомой силой, которая во мнѣ и противъ моей воли стала поперекъ моихъ дѣйствій, я продержалъ въ воздухѣ поднятую палку, пока не потерялъ черепаху изъ вида... Могу увѣрить васъ, говоритъ онъ, что никакое событіе въ жизни не оставило во мнѣ болѣе глубокаго и сильнаго впечатлѣнія» [1]).

Дѣлались попытки объяснить направленное къ осуществленію общаго блага поведеніе изъ эгоистическихъ мотивовъ: человѣкъ долженъ поступать соотвѣтственно нравственнымъ правиламъ, такъ какъ это для него самое практичное. Но всѣ такія узко-утилитарныя построенія не выдерживаютъ критики: ихъ нѣтъ никакой возможности обосновать. Очень часто отдать кусокъ своего хлѣба голодающему значитъ не насытиться самому. Самопожертвованіе, вытекающее изъ внутренняго чувства, заставляющаго человѣка совершить его, есть дѣйствительно самопожертвованіе, такъ какъ вѣдь оно часто подразумѣваетъ и пожертвованіе своей жизнью.

Другое объясненіе самопожертвованія и вообще альтруистическихъ поступковъ отыскивали на почвѣ ощущеній: у человѣка, настроеннаго альтруистически, отказъ отъ своихъ интересовъ въ пользу другого даетъ большее наслажденіе, чѣмъ какое бы онъ могъ получить отъ удовлетворенія тѣхъ желаній, отъ которыхъ онъ отказался. Эта точка зрѣнія точно такъ же не выдерживаетъ критики, такъ какъ она сводитъ явленія воли исключительно къ гедонистическимъ мотивамъ. Согласно этой точкѣ зрѣнія, человѣческая воля направляется исключительно только пріятными или непріятными ощущеніями или ожиданіемъ подобныхъ ощущеній въ будущемъ. Правда, сторонники этой точки зрѣнія признаютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявленія воли такъ внезапны и опредѣленны, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ, взятыхъ изъ Гюйо и приведенныхъ выше, что здѣсь не можетъ имѣть мѣста взвѣшиваніе и оцѣнка пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній, которыя должны получиться въ будущемъ въ результатѣ принятаго рѣшенія. Но такіе случаи считаются послѣдователями этой точки зрѣнія исключительными; для нихъ такія рѣшенія представляютъ собою или конденсированный результатъ многочисленныхъ сознательныхъ рѣшеній этого индивидуума въ прошломъ, или уна-

[1]) М. Гюйо. Очеркъ морали. Изд. „Знанія“. Спб., 1898, стр. 271.

слѣдованный имъ отъ его предковъ обычный способъ дѣйствія въ опредѣленныхъ обстоятельствахъ,—причемъ и тутъ въ рядѣ поколѣній многократно опредѣленный способъ дѣйствія сознательно принимался предками этого существа послѣ взвѣшиванія послѣдствій того или другого рѣшенія. Подробную критику этой точки зрѣнія, критику гедонистической мотивации воли, можно найти въ блестящей книгѣ проф. Л. І. Петражицкаго, куда мы и отсылаемъ читателя [1]).

Скажемъ только, что волевые акты человѣка являются результатомъ приведенія въ дѣйствіе нервно-психическихъ механизмовъ. Это приведеніе въ дѣйствіе обусловливается самыми разнообразными факторами—внѣшними раздраженіями (звуками, зрительными впечатлѣніями и т. п.) и внутренними (химическими измѣненіями соковъ организма, психическими образами, возникающими въ сознаніи, и т. д.). Внезапное рѣшеніе человѣка можетъ также мало зависѣть отъ представленій и сравненій пріятныхъ и непріятныхъ послѣдствій его поступковъ, какъ мало, по всей вѣроятности, зависитъ отъ подобныхъ сопоставленій поведеніе зайца, почуявшаго врага и стремглавъ бросающагося бѣжать.

Чѣмъ живое существо стоитъ выше, тѣмъ каждое его дѣйствіе сопровождается болѣе сложными и богатыми психическими переживаніями. Чѣмъ оно стоитъ ниже, тѣмъ, наоборотъ, его психическій міръ проще и бѣднѣе и только въ угоду теоретическимъ построеніямъ является нужнымъ приписывать сознательный выборъ рѣшенія людямъ, стоявшимъ на гораздо болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ мы, и даже животнымъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и мы поступаемъ опредѣленнымъ образомъ подъ вліяніемъ внезапнаго внутренняго импульса. Такимъ образомъ, нельзя признать, чтобы воля обусловливалась исключительно тѣми представленіями удовольствія и неудовольствія, которыя получатся отъ удовлетворенія тѣхъ или другихъ желаній. Въ основѣ волевого акта лежитъ стремленіе или потребность сдѣлать что-либо; эта потребность можетъ сопровождаться разнообразными интеллектуальными процессами и чувствованіями, которые въ большинствѣ случаевъ вліяютъ на конечный исходъ волевого акта, но не въ этихъ, зачастую только сопутствующихъ, ощущеніяхъ и размышленіяхъ заключается главное.

[1]) Л. Петражицкій. Введеніе въ изученіе права и нравственности. Основы эмоціональной психологіи. 2-ое изд., Спб., 1907.

Человѣческій организмъ въ отвѣтъ на опредѣленную комбинацію внѣшнихъ обстоятельствъ реагируетъ опредѣленнымъ образомъ. Необходимость на извѣстныя обстоятельства отвѣчать опредѣленнымъ дѣйствіемъ, направленнымъ на пользу другихъ лицъ или общества, въ нашемъ сознаніи отражается въ формѣ чувства нравственнаго долга [1]).

Когда мать жертвуетъ своею жизнью за жизнь своего ребенка, то представлять себѣ, что она это дѣлаетъ послѣ тщательнаго сопоставленія того, какова ея жизнь будетъ безъ ребенка и того чего она лишается, жертвуя своею жизнью — есть нелѣпое теоретизированіе въ угоду опредѣленной точкѣ зрѣнія. Мать жертвуетъ собой потому, что она не можетъ поступить иначе, а не на основаніи того, что это цѣлесообразно и принесетъ ей наиболѣе счастія.

Правда, можно теоретически построить цѣлую мораль, основанную на той схемѣ, что мать жертвуетъ собой за ребенка, такъ какъ она представляетъ себѣ, что жизнь безъ ребенка дастъ ей больше горя, чѣмъ сколько могли бы уравновѣсить удовольствія, которыя она можетъ получить впослѣдствіи. Но эта мораль низшаго порядка по сравненію съ той, при которой человѣкъ жертвуетъ собой потому, что онъ не въ силахъ поступить иначе.

Точно также, можетъ быть, и возможно, что человѣкъ кидается въ воду, чтобъ спасти ребенка, подъ вліяніемъ представленія о тѣхъ страданіяхъ, которыя испытываетъ послѣдній, или подъ вліяніемъ чувства благодарности къ родителямъ ребенка за испытанныя благодѣянія, или, наконецъ, подъ вліяніемъ убѣжденія, что нѣтъ ничего лучше, какъ жертвовать собою за другихъ. Но наиболѣе простое и яркое проявленіе такого образа дѣйствія будетъ тогда, когда человѣкъ, увидавъ тонущаго, бросается спасать его, совершенно не занимаясь разсужденіями и взвѣшиваніемъ различныхъ ощущеній.

Намъ нельзя согласиться съ узко-утилитарнымъ, а также гедонистическимъ объясненіемъ нравственности еще потому, что при такихъ объясненіяхъ нравственнаго поведенія чувство нрав-

---

[1]) Эту необходимость дѣйствовать на пользу другихъ мнѣ бы казалось болѣе правильнымъ называть во избѣжаніе недоразумѣній вмѣсто чувства нравственнаго долга нравственнымъ импульсомъ.

ственнаго долга (нравственный импульсъ), принадлежащее къ наиболѣе яркимъ и сильнымъ проявленіямъ душевной дѣятельности, оставалось бы въ сторонѣ и являлось какъ бы ненужнымъ. При такихъ построеніяхъ нравственности поведеніе человѣка обусловливалось бы или обсужденіемъ вопроса о томъ, какъ практичнѣе поступить въ томъ или другомъ случаѣ, или взвѣшиваніемъ соображеній о томъ, при какомъ рѣшеніи можно получить наибольшее удовлетвореніе, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ нравственное рѣшеніе въ наиболѣе типичныхъ случаяхъ вытекаетъ, какъ непреодолимая сила, непосредственно изъ глубины душевной природы человѣка.

«Свести общественность животныхъ, —говоритъ Крапоткинъ,— къ *любви и симпатіи*, значитъ сузить ея всеобщность и ея значеніе,—точно такъ, какъ и людская этика, основанная на любви и личной симпатіи, ведетъ лишь къ суженію понятія о нравственномъ чувствѣ въ цѣломъ. Я вовсе не руководствуюсь любовью къ хозяину даннаго дома, котораго часто совершенно не знаю, когда, увидавъ его домъ въ огнѣ, схватываю ведро съ водой и бѣгу къ его дому, хотя бы нисколько не боялся за свой: мною руководитъ болѣе широкое, хотя и болѣе неопредѣленное чувство, вѣрнѣе инстинктъ общечеловѣческой солидарности, т.-е. круговой поруки между всѣми людьми, и общежительности. То же самое наблюдается и среди животныхъ. Не любовь и даже не симпатія (понимаемыя въ истинномъ значеніи этихъ словъ) побуждаютъ стадо жвачныхъ или лошадей становиться въ кругъ, съ цѣлью защиты отъ нападенія волковъ; вовсе не любовь заставляетъ волковъ соединяться въ своры для охоты, точно также не любовь заставляетъ ягнятъ и котятъ предаваться играмъ, и не любовь сводитъ вмѣстѣ осенніе выводки птицъ, которые проводятъ вмѣстѣ цѣлые дни почти всю осень. Здѣсь выступаетъ инстинктъ общительности, который медленно развивался среди животныхъ и людей въ теченіе чрезвычайно долгаго періода времени эволюціи, съ самыхъ раннихъ ея стадій, и который научилъ въ равной степени животныхъ и людей сознавать ту силу, которую они пріобрѣтаютъ, практикуя взаимную помощь и поддержку, и сознавать удовольствія, которыя можно найти въ общественной жизни» [1]),

[1]) П. Крапоткинъ. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. Пер. Батуринскаго. 1907, Спб., стр. 6—7.

Изъ всего сказаннаго выше вытекаетъ, что внутреннее стремленіе совершить тотъ или другой поступокъ, направленный на пользу окружающихъ, т.-е. чувство нравственнаго долга, составляетъ главную основу нравственности. Соціальное значеніе этого чувства вполнѣ понятно: правильная жизнь общества возможна только при существованіи нравственнаго импульса, когда каждый дѣйствуетъ не на основаніи корыстныхъ или косвенно корыстныхъ (эго-альтруистическихъ по Спенсеру) побужденій, а подъ давленіемъ внутренняго непреодолимаго стремленія.

Когда мать жертвуетъ своей жизнью за ребенка и когда самка защищаетъ съ опасностью жизни своихъ птенцовъ, кидаясь на врага, который разоряетъ гнѣздо, въ обоихъ этихъ случаяхъ какъ бы далеко ни стояли по лѣстницѣ эволюціи сравниваемыя существа, какъ бы ни различались въ обоихъ этихъ случаяхъ проявленія психической жизни, сущность явленія остается та же самая. Та и другая мать дѣйствуютъ подъ вліяніемъ необыкновенно сильнаго, вложеннаго въ нихъ инстинкта. Съ этой точки зрѣнія животныя и человѣкъ въ нашихъ глазахъ имѣютъ гораздо больше общаго, чѣмъ обыкновенно думаютъ, когда явленія самопожертвованія сводятся у человѣка не на проявленіе общаго съ животными инстинкта, а на результатъ взвѣшиванія возможныхъ послѣдствій того или другого поведенія. Этотъ властный инстинктъ, унаслѣдованный отъ нашихъ отдаленныхъ предковъ, есть то, что называютъ голосомъ совѣсти, это то, что соотвѣтствуетъ категорическому императиву Канта; неповиновеніе повелѣніямъ этого инстинкта влечетъ за собой то чувство неудовлетворенности или въ особенно рѣзкихъ случаяхъ то мучительное чувство, которое называютъ угрызеніями совѣсти.

Нельзя согласиться съ точкой зрѣнія, приписываемой Канту, и, повидимому, несправедливо, будто только тѣ поступки и душевныя движенія относятся къ области нравственныхъ, которыя сопровождаются душевной борьбой съ противоположными стремленіями и чѣмъ эта борьба болѣе выражена, тѣмъ поведеніе въ большей мѣрѣ можетъ быть названо нравственнымъ. Съ этимъ нельзя согласиться, и слѣдуетъ признавать нравственнымъ каждый поступокъ, направленный на благо другихъ лицъ и вытекающій изъ внутренняго чувства необходимости совершить этотъ поступокъ, причемъ элементъ борьбы между различными побужденіями не представляется характерной чертой такихъ поступковъ.

Наоборотъ, чѣмъ это внутреннее чувство сильнѣе, непреоборимѣе, тѣмъ легче будутъ вытекать нравственные поступки изъ душевной сущности человѣка и тѣмъ мы должны считать его типъ организаціи болѣе нравственнымъ.

Можно считать болѣе или менѣе выясненнымъ вопросъ о происхожденіи чувства нравственнаго долга съ эволюціонной точки зрѣнія. Если намъ приходится подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ многократно поступать опредѣленнымъ образомъ, то по прошествіи нѣкотораго времени въ насъ сложится чувство внутренней необходимости поступать такимъ образомъ, а дѣйствіе, направленное наперекоръ этому чувству внутренней необходимости, вызоветъ страданія, схожія съ угрызеніями совѣсти. Такъ, у петербуржцевъ существуетъ внутреннее чувство необходимости всегда на улицѣ быть въ верхнемъ платьѣ, хотя бы стояла жаркая погода: самое большое отклоненіе, которое допускается въ этомъ отношеніи, заключается въ томъ, что можно быть на улицѣ, не надѣвая пальто, но держа его въ рукахъ. Выйти изъ дому, не надѣвъ и не взявъ пальто, непріятно—въ душѣ имѣется тягостное ощущеніе, какъ будто дѣлаешь что-то неприличное, нехорошее. Вполнѣ понятно, какъ сложилась такая особенность: климатъ Петербурга таковъ, что большую часть года нечего и думать выходить на улицу въ томъ платьѣ, въ которомъ находишься въ комнатахъ; а если нѣсколько дней въ году и бываютъ такихъ, что во время ихъ въ жаркое время дня это было бы возможно дѣлать, то при далекихъ разстояніяхъ и выходя на цѣлый день изъ дому безъ верхняго платья, рискуешь оказаться послѣ захода солнца, съ наступленіемъ холоднаго вечера черезъ чуръ легко одѣтымъ и не только продрогнуть, но и серьезно захворать.

Точно также, если внѣшнія обстоятельства заставляютъ въ извѣстное время года придерживаться опредѣленной пищи, то можно разсчитывать, что со временемъ въ этой средѣ у людей сложится внутреннее чувство потребности въ извѣстное время употреблять такую, а не другую пищу. Въ странѣ, гдѣ сложилась государственная власть, или въ странѣ, которая подпала подъ власть завоевателя, по прошествіи извѣстнаго времени, предписанія, вначалѣ поддерживаемыя внѣшнимъ принужденіемъ,

впослѣдствіи могутъ войти въ нравы страны, и тогда члены этого общества будутъ чувствовать внутреннюю потребность поступать такъ, а не иначе.

Образовавшееся съ теченіемъ времени путемъ внѣшняго принужденія внутреннее чувство необходимости поступать опредѣленнымъ образомъ, какъ мы увидимъ дальше, не вполнѣ соотвѣтствуетъ нравственному чувству, но въ значительной степени напоминаетъ его. Образованіе такого внутренняго чувства необходимости многое объясняетъ намъ и въ образованіи нравственнаго импульса.

Особенно обстоятельно прослѣженъ генезисъ морали Спенсеромъ. Мы видимъ у Спенсера цѣльную логическую схему развитія нравственности, построенную безъ привлеченія какихъ бы то ни было сверхъестественныхъ факторовъ. Съ его системой развитія морали нельзя согласиться, по моему мнѣнію, развѣ только въ слѣдующемъ отношеніи. Происхожденіе нравственности построено у него на послѣдовательномъ примѣненіи принципа гедонистической мотивації поведенія: нравственное дѣйствіе для Спенсера всегда, по крайней мѣрѣ, въ исторіи своего развитія, имѣетъ своими побудительными причинами стремленіе къ пріятному и отвращеніе отъ непріятнаго. Съ этимъ нельзя согласиться: такіе поступки, какъ самопожертвованіе индивидуума на пользу потомства или общины, наблюдаются у существъ, крайне низкостоящихъ по своей организаціи и съ самой примитивной психической жизнью. Если для сохраненія вида полезно самопожертвованіе отдѣльнаго существа, то можетъ выработаться и будетъ передаваться по наслѣдству соотвѣтствующій инстинктъ, заставляющій живое существо жертвовать собою за другихъ. Такой инстинктъ могли унаслѣдовать и люди отъ своихъ отдаленныхъ предковъ. Поэтому намъ нѣтъ необходимости искать въ эго-альтруистическихъ чувствахъ сложныхъ гедонистическихъ мотивовъ для объясненія альтруистическихъ поступковъ. Эти поступки полезны для вида, и потому отдѣльные представители его получили соотвѣтствующую нервную организацію (путемъ подбора). У существъ, обладающихъ сложной и высоко стоящей психической жизнью, эти инстинктивныя стремленія будутъ одѣваться въ сложную систему душевныхъ переживаній, состоящихъ изъ ощущеній, воспоминаній, представленій о будущихъ удовольствіяхъ и непріятностяхъ; къ этому будутъ присоеди-

няться философскія и религіозныя построенія, но изъ этого нельзя заключать, что въ образованіи этого инстинкта когда-то участвовали тоже сложные психическіе факторы.

Дарвинъ въ вопросѣ о происхожденіи нравственности и ввелъ, какъ важный факторъ, борьбу за существованіе между отдѣльными племенами. Внѣ всякаго сомнѣнія, чѣмъ больше какое-либо племя заключало въ себѣ людей отважныхъ, способныхъ на самопожертвованіе, полныхъ преданности интересамъ своего племени, полныхъ послушанія, вѣрности, участія къ другимъ, тѣмъ больше это племя въ борьбѣ съ другими племенами имѣло шансовъ на побѣду [1]). Такія племена вытѣсняли другихъ, завладѣвали ихъ территоріями, наконецъ, совершенно доводили до вымиранія племена, не столь одаренныя въ нравственномъ отношеніи. Вотъ одинъ изъ факторовъ, благодаря которому качества, полезныя для общества, должны были усиливаться все время, пока человѣчество распадалось на маленькія племена, боровшіяся другъ съ другомъ.

Очень большая заслуга П. Крапоткина заключается въ томъ, что онъ указалъ на широкую распространенность взаимной помощи среди животныхъ и на ту большую роль, которую она играетъ, какъ факторъ, благопріятствующій побѣдѣ въ борьбѣ за существованіе. Самъ Дарвинъ выраженіе «выживаніе наиболѣе приспособленнаго» понималъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, подразумѣвая подъ свойствами, благопріятствующими выживанію и нравственныя качества, и общественные инстинкты. Но его популяризаторы эту борьбу за жизнь представляли себѣ въ самой грубой формѣ уничтоженія однихъ живыхъ существъ другими. Въ противовѣсъ этому Крапоткинъ приводитъ свои многочисленныя наблюденія на далекомъ сѣверо-востокѣ Азіи. Тамъ, на громадныхъ пространствахъ борьба изъ-за пищи не играетъ выдающейся роли. Всѣ эти степи, лѣса мало населены, и это происходитъ отъ того, что главные враги живыхъ существъ въ этихъ краяхъ, какъ и вообще среди дѣвственной природы, не другія живыя существа, а стихіи: мятели, снѣгъ, гололедица, ливни и т. п. Отъ этого зависитъ то, что наблюдателя поражаетъ не борьба за существованіе, а наоборотъ, многочисленные

---

[1]) Ч. Дарвинъ. Собраніе сочиненій. Изд. Поповой. Т. II. Происхожденіе человѣка и половой отборъ. Стр. 93.

яркіе факты взаимопомощи живыхъ существъ. Такъ, на всякомъ озерѣ, на далекомъ Сѣверѣ, наблюдаются громадныя сообщества водяныхъ птицъ, вмѣстѣ выводящихъ птенцовъ и сообща защищающихся отъ хищниковъ. Всѣ прибрежныя скалы Сѣвера заняты такими же сообществами другихъ птицъ. Осенью перелетныя птицы соединяются въ громадныя стаи и вмѣстѣ, помогая другъ другу, совершаютъ перелеты. На Амурѣ Крапоткинъ видѣлъ громадное переселеніе косуль, когда десятки тысячъ этихъ животныхъ убѣгали, спасаясь отъ выпавшихъ глубокихъ снѣговъ, и собирались большими стадами съ цѣлью пересѣчь Амуръ въ самомъ узкомъ мѣстѣ, у Малаго Хингана. Орлы въ степи, какъ наблюдалъ Сѣверцевъ, питающіеся падалью, увидѣвъ добычу, сзываютъ товарищей крикомъ и у нихъ существуетъ цѣлая организація для добыванія пищи. Крапоткинъ совершенно справедливо утверждаетъ, что среди животныхъ значительно труднѣе найти живущихъ дѣйствительно вполнѣ изолированно, чѣмъ живущихъ обществами. Даже дикія кошки тамъ, гдѣ ихъ много, часто охотятся по нѣсколько вмѣстѣ, напр., львы, не говоря уже о другихъ хищникахъ, охотящихся стаями, какъ волки и т. п. Животныя травоядныя обыкновенно живутъ стадами, такъ какъ этотъ образъ жизни очень полезенъ имъ и противъ хищниковъ, и въ борьбѣ съ непогодами. Не нужно забывать, говоритъ Крапоткинъ, что мы живемъ въ вѣкъ торжества человѣка на поверхности земного шара; имъ жестоко преслѣдуется большинство крупныхъ животныхъ, не ставшихъ домашними, и значительная часть ихъ близка къ уничтоженію. Между тѣмъ животныя, которыя при большомъ численномъ составѣ и не подвергаемыя сильному преслѣдованію живутъ обществами, тогда, когда они близки къ уничтоженію, встрѣчаются только отдѣльными, разрозненными экземплярами. Если бы на землѣ явилось существо болѣе сильное, чѣмъ человѣкъ, то послѣдніе представители человѣчества точно такъ же жили бы отдѣльными, одичавшими единицами, прячущимися по трущобамъ.

Жизнь сообществами, говоритъ Крапоткинъ, даетъ возможность самымъ слабымъ насѣкомымъ, самымъ слабымъ птицамъ и самымъ слабымъ млекопитающимъ защищаться противъ нападеній самыхъ ужасныхъ хищниковъ изъ среды птицъ и животныхъ или же охранять себя отъ нихъ; она обезпечиваетъ имъ долголѣтіе; она даетъ возможность виду выкармливать свое потом-

ство съ наименьшей ненужной затратой энергіи и поддерживать свою численность, даже при очень слабой рождаемости; она позволяетъ стаднымъ животнымъ совершать переселенія и находить себѣ новыя мѣста жительства [1]).

Факты, собранные Крапоткинымъ, очень важны, какъ доказательство громаднаго значенія въ животномъ мірѣ жизни обществами. Кромѣ того, они имѣютъ большое значеніе, такъ какъ даютъ мѣрило для вѣрной оцѣнки явленій нравственнаго міра человѣка. Симпатія себѣ подобнымъ, помощь имъ, дѣятельность на пользу общества—все это не есть что-либо присущее одному только человѣку и создавшееся вмѣстѣ съ нимъ, все это было на землѣ задолго до появленія человѣка, унаслѣдовано имъ отъ его предковъ-животныхъ и потому глубоко коренится въ его природѣ. Совершенно неосновательно представлять себѣ, что всѣ эгоистическія душевныя движенія являются въ человѣкѣ коренными прочными душевными свойствами, а альтруистическія—сравнительно недавно выработанными, а потому поверхностными и непрочными. На самомъ дѣлѣ, и тѣ и другія принадлежатъ къ основнымъ свойствамъ душевной жизни и глубоко коренятся въ природѣ человѣка, ведя свое начало отъ далекихъ предковъ человѣка, стоявшихъ значительно ниже обезьянъ.

Остановимся еще на попыткѣ Гюйо построить мораль внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было метафизическихъ и супраціональныхъ основаній. Гюйо исходитъ изъ физіологическаго опредѣленія жизни, какъ совокупности двухъ процессовъ: процесса накопленія силъ и процесса траты ихъ; первый не можетъ существовать безъ второго. Жизнь, говоритъ онъ, имѣетъ двѣ стороны: съ одной стороны, она есть питаніе и ассимиляція, съ другой—производство и плодовитость. Чѣмъ болѣе она усвоиваетъ, тѣмъ болѣе должна она тратить: таковъ законъ. Физіологическая трата не есть зло; она—одинъ изъ неустранимыхъ моментовъ жизни. Это выдыханіе, слѣдующее за вдыханіемъ. Трата для другихъ требуется соціальною жизнью; она не является, слѣдовательно, если все принять въ расчетъ, потерей для организма; это желательное расширеніе и даже необходимость [2]). Излишекъ, накопляемый живымъ существомъ,

---

[1]) П. Крапоткинъ. Тамъ же, стр. 68.

[2]) М. Гюйо. Очеркъ морали, стр. 257.

прежде всего тратится на размноженіе, которое можетъ быть неполовымъ или половымъ. Съ появленіемъ послѣдняго для міра начинается, говоритъ Гюйо, новый моральный фазисъ. Особь перестаетъ быть изолированной; раздѣленіе половъ имѣетъ первостепенное значеніе въ моральной жизни. Издавна обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что старыя дѣвы, холостяки, евнухи обыкновенно гораздо эгоистичнѣе другихъ людей: центръ ихъ всегда оставался въ глубинѣ ихъ, никогда не колеблясь. И дѣти тоже эгоистичны: у нихъ нѣтъ еще такого избытка жизни, который билъ бы наружу. Къ годамъ половой зрѣлости мѣняются черты ихъ характера: юноша исполненъ энтузіазма, онъ готовъ на всѣ жертвы, да и необходимо въ самомъ дѣлѣ, чтобъ онъ жертвовалъ чѣмъ-нибудь изъ своего существа—онъ слишкомъ живетъ, чтобы жить для самого себя. Старикъ, напротивъ, продолжаетъ Гюйо, нерѣдко склоненъ снова сдѣлаться эгоистомъ. У больного замѣчаются тѣ же наклонности. Всякій разъ, какъ бѣднѣетъ источникъ жизни, во всемъ существѣ возникаетъ потребность сбереженія силъ, себялюбиваго оберегания: ни одной капли жизненныхъ соковъ не хочется дать просочиться наружу. Потребность интеллектуальной плодовитости еще болѣе, нежели половая плодовитость, глубоко измѣняетъ, по Гюйо, жизненныя условія человѣчества Мысль, дѣйствительно, безлична и безкорыстна. И чувство такъ же, какъ и умъ, хочетъ дѣятельнаго проявленія. Намъ недостаточно самихъ себя; у насъ больше слезъ, чѣмъ нужно для собственныхъ страданій, больше радостей въ запасѣ, чѣмъ то оправдывается нашимъ личнымъ счастьемъ. Наконецъ, что касается воли, мы чувствуемъ потребность производить, напечатлѣвать на мірѣ форму своей активности. Съ теченіемъ времени трудъ будетъ, по Гюйо, становиться все болѣе и болѣе необходимымъ человѣку. Мы чувствуемъ потребность хотѣть и работать не только для себя, но и для другихъ. Чувствуешь потребность помогать другимъ, говоритъ Гюйо, давать своимъ плечомъ толчокъ повозкѣ, увозящей съ трудомъ человѣчество; во всякомъ случаѣ жужжать въ кругъ нея. Каждый изъ насъ чувствуетъ, какъ, подобно физическимъ силамъ, тѣснятъ его и рвутся наружу силы моральныя. Жизнь это плодовитость, и обратно, плодовитость—это кипучая жизнь, это—истинное существованіе. Есть извѣстное самоотверженіе, неотдѣлимое отъ существованія, безъ

котораго духовно умираешь, сохнешь. Нужно цвѣсти; нравственность, безкорыстіе, это—цвѣтъ человѣческой жизни. Наиболѣе богатая жизнь чувствуетъ и наиболѣе сильное побужденіе, говоритъ онъ, расточаться, жертвовать собой въ извѣстной мѣрѣ, по частямъ отдавать себя другимъ. Изъ этого слѣдуетъ, что наиболѣе совершенный организмъ будетъ также и наиболѣе общежительнымъ и что идеалъ индивидуальной жизни есть жизнь совмѣстная [1]).

У Гюйо особенно цѣнна та мысль, составляющая центръ его міросозерцанія, что потребность жить для другихъ, нравственное чувство представляютъ собою душевныя проявленія сильныхъ индивидуумовъ, въ которыхъ жизнь бьетъ ключомъ и имѣется избытокъ силъ. Эта мысль представляетъ несомнѣнно наблюденіе, взятое изъ жизни. Конечно, это справедливо только въ общихъ чертахъ; изъ общаго правила есть исключенія: такъ у больныхъ тѣлесными болѣзнями часто встрѣчаются высокія проявленія духа; въ своей книгѣ «Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ» [2]) я указывалъ на это явленіе и старался объяснить его, но въ общемъ мысль Гюйо справедлива. Какъ же съ его точки зрѣнія нужно себѣ представлять чувство нравственнаго долга? Для него это будетъ, очевидно, ощущеніе избытка жизненныхъ силъ, которыя ищутъ выхода. Долгъ, говоритъ онъ, можетъ быть сведенъ на сознаніе извѣстной внутренней мощи, по природѣ своей превосходящей всѣ прочія силы. Внутренно почувствовать то наибольшее, что мы способны сдѣлать, значитъ тѣмъ самымъ впервые сознать, что мы должны сдѣлать. Долгъ, если стать на почву фактовъ и откинуть метафизическія понятія, продолжаетъ онъ, есть изобиліе жизни, которая рвется наружу, хочетъ отдаться [3]).

Только что изложенныя теоріи Спенсера, Крапоткина, Гюйо и т. д. всѣ дѣлаютъ попытки построить нравственность, не прибѣгая ни къ метафизическимъ предпосылкамъ, ни къ сверхреальнымъ обоснованіямъ. Задачу ихъ можно было бы очертить словами Гюйо, помѣщенными имъ въ началѣ его книги о морали: «Строго-научный методъ налагаетъ на насъ обязанность поискать

---

[1]) М. Гюйо. Тамъ же, стр. 254–258.

[2]) А. Яроцкій. Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ. Юрьевъ. 1908, стр. 198.

[3]) М. Гюйо. Тамъ же, стр. 261.

сначала, чѣмъ можетъ быть мораль, исключительно покоящаяся на фактахъ и, стало-быть, не отправляющаяся ни отъ апріорнаго тезиса, ни отъ апріорнаго закона» [1]).

Внѣ всякаго сомнѣнія, теорія Спенсера вполнѣ послѣдовательно излагаетъ происхожденіе морали; мы можемъ себѣ представить, какъ мораль развилась изъ первоначальныхъ зачатковъ до самыхъ высшихъ своихъ проявленій. Она объясняетъ намъ, что такое чувство нравственнаго долга—это глубоко вкоренившійся въ насъ инстинктъ дѣйствовать въ интересахъ общества и даже въ интересахъ вида, т.-е. всего человѣчества. Нравственный долгъ—это сила природы, дѣйствующая изнутри человѣка и несомнѣнно очень полезная для общества. Но объясняетъ ли эта теорія, почему индивидуумъ долженъ слѣдовать велѣніямъ этого внутренняго чувства? Совсѣмъ нѣтъ. Съ каждой изъ силъ, какъ окружающей человѣка природы, такъ и съ каждымъ изъ свойствъ своей внутренней организаціи индивидуумъ долженъ считаться, какъ съ фактомъ и стараться, насколько это въ его силахъ, измѣнить ихъ въ свою пользу. Такъ, человѣкъ борется съ своей неспособностью сосредоточиться и интенсивно приняться за умственную работу, равно какъ онъ защищаетъ себя отъ внѣшняго холода. Такимъ образомъ все это сложное построеніе объясняетъ намъ, откуда явилось чувство долга и насколько оно важно для общества, но совершенно не объясняетъ, почему индивидуумъ долженъ ему повиноваться.

Точка зрѣнія Спенсера особенно ясно выражена въ его полемикѣ съ пасторомъ І. Девисомъ. Послѣ обмѣна нѣсколькими письмами, Спенсеръ въ письмѣ, которымъ онъ заканчиваетъ эту полемику, говоритъ: «Почему человѣкъ, ощущающій въ себѣ опредѣленное нравственное обязательство, долженъ слѣдовать ему? На этотъ вопросъ можно такъ же приблизительно отвѣтить, какъ на слѣдующій—почему человѣкъ долженъ ѣсть, когда у него есть аппетитъ къ ѣдѣ. Въ обычныхъ условіяхъ человѣкъ ѣстъ, чтобъ утолить голодъ, безъ опредѣленнаго сознанія объ отдаленныхъ цѣляхъ, однако, если къ нему обратиться за обоснованіемъ, онъ дастъ отвѣтъ, что ему необходимо удовлетворить свой аппетитъ, т. к. это полезно для его здоровья, для поддержанія его силы и для того, чтобъ онъ имѣлъ воз-

1) См. тамъ же, стр. 243.

можность дольше жить и работать. Точно также, если бы кто-нибудь, дѣлающій опредѣленную вещь подъ вліяніемъ чувства долга, былъ объ этомъ спрошенъ, то онъ отвѣтилъ бы, что хотя онъ дѣйствовалъ, не думая объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ, слѣдуя своему чувству, но онъ очень хорошо видитъ, какъ отдаленныя послѣдствія его поступка въ большинствѣ случаевъ окажутся полезны не только для другихъ, но съ теченіемъ времени и для него самого» [1]).

Такимъ образомъ, во всемъ Спенсеровскомъ построеніи никакой внутренней обязательности нѣтъ, а стойкость нравственнаго чувства должна быть сопоставлена съ прочностью инстинктовъ. Насколько же прочны послѣдніе, къ этому вопросу мы вернемся ниже.

Согласно Дарвину чувство нравственнаго долга является тоже инстинктомъ. По его словамъ, философы школы производной нравственности принимали, что основаніе нравственности лежитъ въ извѣстномъ родѣ любви къ себѣ, а позднѣе придумали «законъ наибольшаго счастья». Было бы справедливѣе, по мнѣнію Дарвина, считать послѣдній принципъ желательной цѣлью, а не побужденіемъ въ дѣлѣ поведенія. Дарвинъ протестуетъ противъ требованія для каждаго поступка существованія опредѣленныхъ мотивовъ, связанныхъ съ чувствомъ удовольствія или недовольствія. Человѣкъ, говоритъ онъ, повидимому, часто дѣйствуетъ внезапно, непосредственно, т.-е. по инстинкту или по давно усвоенной привычкѣ, вовсе не думая объ удовольствіи, подобно тому, какъ поступаютъ, вѣроятно, пчела или муравей, когда они слѣпо повинуются инстинкту. Направленъ этотъ общественный инстинктъ скорѣе въ цѣляхъ общаго блага, чѣмъ ради счастья вида. Подъ терминомъ же «общаго блага» можно понимать средства, благодаря которымъ возможно большее число особей можетъ вырасти въ полномъ здоровьѣ и силѣ и развить всѣ свои способности при данныхъ условіяхъ [2]). По мнѣнію Дарвина, если бы животныя были одарены разумомъ, инстинктъ ихъ проявился бы въ ихъ сознаніи въ видѣ чувства долга. Если бы мы были, говоритъ онъ, въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, какъ

[1]) Spencer. Die Principien der Ethik. Deutsche Ausgabe von B. Vetter u. V. Carus. II Band. II Abtheilung. Anhang C., Stuttgart, 1895, S. 317.

[2]) Ч. Дарвинъ. Происхожденіе человѣка и половой отборъ. Перев. проф. Сѣченова. Изд. Поповой. С.-ПБургъ, 1899, стр. 84.

пчелы въ ульяхъ, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что наши незамужнія женщины, подобно пчеламъ-работницамъ, считали бы священнымъ долгомъ убивать своихъ братьевъ, матери стремились бы убивать своихъ плодовитыхъ дочерей,—и никто не думалъ бы протестовать противъ этого [1]).

Что касается фактовъ, приводимыхъ Крапоткинымъ, то они имѣютъ очень большое значеніе, такъ какъ они показываютъ, какіе глубокіе корни имѣютъ заложенные въ насъ, общественные инстинкты. Мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что, благодаря этимъ инстинктамъ, та линія живыхъ существъ, къ которымъ мы принадлежимъ, и побѣдила всѣхъ остальныхъ. Но и съ точки зрѣнія Крапоткина въ чувствѣ долга мы имѣемъ не что иное, какъ глубоко укоренившійся инстинктъ.

Гюйо называетъ свое міросозерцаніе нравственностью безъ чувства долга (принужденія). Насколько важно его утвержденіе, почерпнутое, какъ мы говорили выше, изъ наблюденія явленій окружающей жизни, что способность сочувствовать другимъ и жить для нихъ есть проявленіе богатой жизненными силами природы, настолько невозможно на одномъ этомъ строить нравственность. Сегодня человѣкъ полонъ силъ и здоровья, и онъ альтруистъ, завтра онъ ослабѣлъ, боленъ, и въ этомъ онъ можетъ искать обоснованія мелкой себялюбивой жизни. У Гюйо есть одно мѣсто, въ которомъ онъ, повидимому, ставитъ въ принципъ подобную измѣнчивость основныхъ свойствъ характера. Такъ, онъ говоритъ, что съ его точки зрѣнія служеніе чужимъ интересамъ лишь постольку выше служенія своимъ собственнымъ, поскольку оно указываетъ на большую экспансивность нравственнаго существа, на избытокъ внутренней жизни. Иначе это было бы нѣчто уродливое, въ родѣ тѣхъ растеній, которыя не имѣютъ ни листьевъ, ни корней, почти ничего, кромѣ цвѣтка [2]).

Гюйо считаетъ совершенно ненужнымъ импульсомъ для поведенія чувство нравственнаго долга и думаетъ, что въ дальнѣйшемъ оно замѣнится рядомъ другихъ факторовъ, которые онъ называетъ эквивалентами долга. Сюда относится, по Гюйо, прежде всего ощущеніе нашей внутренней, высшей мощи, во-вторыхъ,

---

1) Ч. Дарвинъ. Тамъ же, стр. 68.

2) М. Гюйо. Тамъ же, стр. 297.

вліяніе оказываемое идеями на наши поступки: каждое теоретическое представленіе о направленіи дѣйствія влечетъ за собою въ то же время стремленіе осуществить на дѣлѣ это представленіе. Пониманіе и активность, говоритъ Гюйо, болѣе уже не представляются раздѣленными пропастью. Понимать значитъ начать уже въ себѣ осуществленіе того, что понимаешь; мыслить есть нѣчто лучшее, чѣмъ то, что есть въ дѣйствительности, это первое усиліе для осуществленія его. Дѣйствіе есть не что иное, какъ продолженіе идеи [1]). Эти мысли представляютъ собою приложеніе къ морали философіи Фулье объ идеяхъ-силахъ. То, что называется долгомъ или нравственнымъ принужденіемъ, говоритъ Гюйо, есть въ сферѣ мышленія сознаніе этой коренной тождественности: долгъ есть потребность внутренне развертываться, придавать законченность нашимъ идеямъ, заставлять ихъ переходить въ дѣйствіе.

Третьимъ эквивалентомъ долга будетъ постоянное сопроникновеніе чувствительностей и возрастающая соціализація нашихъ удовольствій и страданій. Наконецъ, любовь къ риску, какъ въ сферѣ дѣйствованія, такъ и въ сферѣ мышленія, можетъ, по мнѣнію Гюйо, въ значительной степени замѣнить нравственный долгъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все то, что перечисляетъ здѣсь Гюйо, является крайне недостаточнымъ эквивалентомъ долга, такъ какъ импульсы, происходящіе такимъ образомъ, непостоянны, непрочны, и значительно слабѣе той внутренней силы, которая обозначается терминомъ нравственнаго долга (категорическаго императива Канта). Какъ ни цѣнны мысли Гюйо, но само по себѣ отрицаніе значенія нравственнаго импульса въ чистой его формѣ и признаніе его преходящимъ даетъ, по нашему мнѣнію, философіи Гюйо оттѣнокъ чего то больного и слабаго.

Съ другой стороны, теорія Фулье объ идеяхъ-силахъ есть не что иное, какъ констатированіе психологическаго факта, что идея, несомнѣнно, стремится претвориться въ насъ въ дѣйствіе. Но эта теорія совсѣмъ не объясняетъ намъ, когда ее выставляютъ, какъ основаніе нравственности, почему мы не должны, напримѣръ, бороться съ чувствомъ любви къ ближнему, когда оно влечетъ насъ на поступки, противорѣчащіе нашей непо-

[1]) М. Гюйо. Тамъ же, стр. 262 и 263.

средственной выгодѣ, хотя бы наличность этого чувства мы и признавали.

Разсмотримъ теперь ту точку зрѣнія, по которой чувство нравственнаго долга является не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ воздѣйствія внѣшняго принужденія на душевный складъ личности.

Эта точка зрѣнія давала бы, казалось, возможность очень оптимистически смотрѣть на будущую судьбу чувства долга. Такъ какъ, нужно думать, всегда будетъ существовать та или иная форма организаціи общества, то въ силу этого будутъ существовать по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ факторы внѣшняго принужденія, которые будутъ заставлять послѣднихъ сообразовать свое поведеніе съ интересами общества. Такимъ образомъ, это внѣшнее принужденіе постоянно будетъ претворяться въ теченіи времени во внутреннее нравственное чувство. Мнѣ кажется, что такая точка зрѣнія грѣшила бы необоснованнымъ оптимизмомъ. Дѣйствительно, мы можемъ повседневно наблюдать, какъ то, что насъ заставляло дѣлать внѣшнее принужденіе, потомъ становится для насъ необходимымъ дѣлать въ силу внутренняго чувства Но это происходитъ съ нами только до тѣхъ поръ, пока сюда не вмѣшивается анализъ нашей мысли. Обстоятельства, напримѣръ, заставляли меня ходить всегда по правой сторонѣ улицы и у меня могло сложиться убѣжденіе что для меня нравственный долгъ ходить по этой сторонѣ, но это убѣжденіе можетъ держаться только до тѣхъ поръ, пока я не созналъ, что это результатъ только внѣшняго принужденія. Правда, въ теченіе долгаго времени у меня еще будетъ сохраняться потребность дѣйствовать согласно старому правилу, но я уже теперь буду сознательно относиться къ возникающему во мнѣ импульсу и, если я признаю, что это нераціонально для меня, то буду бороться съ этимъ, какъ съ вредной привычкой. Возьмемъ, какъ примѣръ, строгое выполненіе своихъ обязанностей прусскимъ чиновникомъ стараго закала. Конечно, его отношеніе къ порученному ему дѣлу обусловливается его религіозными и политическими убѣжденіями. Если же онъ придетъ къ выводу, что его поведеніе есть только результатъ муштровки, и потеряетъ вѣру въ свои идеалы, то, конечно, онъ станетъ работать только за страхъ, а не за совѣсть.

Но, если нельзя считать достаточно прочными результаты тѣхъ

внѣшнихъ вліяній, которыя дѣйствовали въ теченіе немногихъ поколѣній, то, можетъ быть, болѣе прочными окажутся особенности внутренней организаціи, заложенныя въ насъ вліяніями, дѣйствовавшими въ теченіе безконечнаго ряда поколѣній, начиная съ періода первобытной культуры или даже, какъ думаетъ Крапоткинъ, выработавшіяся у нашихъ предковъ, животныхъ. Можетъ быть, чувство нравственнаго долга, какъ одинъ изъ основныхъ инстинктовъ, окажется прочнѣе и будетъ въ состояніи противостоять разлагающему вліянію интеллекта. Нѣтъ, и въ этомъ направленіи наши ожиданія не являются болѣе обоснованными. Мы не имѣемъ основанія предполагать, что этотъ инстинктъ прочнѣе другихъ основныхъ біологическихъ инстинктовъ. Что же дѣлается съ послѣдними подъ вліяніемъ условій культурной жизни?

Въ этомъ отношеніи Гюйо обращаетъ вниманіе на судьбу двухъ изъ нихъ—инстинкта кормленія матерями грудью дѣтей и инстинкта размноженія. Какъ извѣстно, первый изъ нихъ имѣетъ настолько важное значеніе, что классъ животныхъ, къ которому мы принадлежимъ, называется классомъ млекопитающихъ; что касается другого, то онъ имѣетъ еще болѣе общее значеніе, такъ какъ характеризуетъ все живое. И вотъ, мы видимъ, первый инстинктъ не только самъ исчезаетъ, но даже органы, которыми онъ завѣдуетъ, молочныя железы, теряютъ способность функціонировать. Что же касается второго, то уменьшеніе числа рождаемости во всѣхъ передовыхъ по культурѣ странахъ указываетъ на то, насколько человѣкъ способенъ имъ управлять соотвѣтственно своимъ расчетамъ. На примѣрѣ Франціи видно, что въ этомъ направленіи дѣло можетъ зайти такъ далеко, что цѣлая нація съ громадными историческими заслугами, играющая выдающуюся роль въ современной культурѣ, не только не увеличивается въ числѣ, но начинаетъ уменьшаться въ численности и вслѣдствіе этого теряетъ изо дня въ день свое международное положеніе.

Особенно послѣдній примѣръ показываетъ, какую силу имѣетъ человѣческое сознаніе надъ инстинктами, какъ бы глубоко они ни были заложены. «Научный духъ,—говоритъ Гюйо,—врагъ всякаго инстинкта: это наиболѣе разлагающая сила для всего того, что связала одна природа. Это революціонный духъ: онъ не перестаетъ бороться противъ духа авторитета въ нѣдрахъ обществъ; онъ будетъ бороться и противъ духа авторитета въ глу-

бинѣ сознанія». Онъ прибавляетъ: «Мы думаемъ, что можно научно доказать слѣдующій законъ: всякій инстинктъ, становясь сознательнымъ, имѣетъ стремленіе разрушиться» [1]).

Будущее человѣчества зависитъ отъ того, возможно ли найти раціоналистическое обоснованіе для чувства нравственнаго долга. Если сознанію не будетъ ясно, что поступаться своими интересами для другихъ необходимо въ интересахъ же индивидуума, то, какъ бы ни были прочны основы соціальныхъ инстинктовъ, послѣднія будутъ разрушены и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно понизится уровень общественной жизни, а, можетъ быть, она и совсѣмъ сдѣлается невозможной. Согласовать интересы отдѣльнаго человѣка и общества пытаются иногда съ помощью слѣдующаго грубо эгоистическаго разсужденія: человѣкъ можетъ жить только въ обществѣ и потому каждый обязанъ сообразовать свои дѣйствія съ интересами общества, такъ какъ, если пострадаютъ послѣдніе, то и онъ пострадаетъ. Легко видѣть неосновательность такого разсужденія: продолжительность существованія человѣка и общества совершенно различны. Если человѣкъ начнетъ сознательно разрушать современное ему общество, преслѣдуя свои эгоистическія цѣли, то не только онъ самъ, но, можетъ быть, и нѣсколько поколѣній его потомковъ успѣютъ просуществовать, пока для нихъ сдѣлаются замѣтными вредныя послѣдствія ихъ поведенія.

Учебники этики обычно стоятъ на точкѣ зрѣнія невозможности согласовать интересы индивидуума и общества. Они берутъ нравственное чувство, какъ нѣчто данное и стараются раскрыть его содержаніе или, исходя изъ понятія общаго блага, стараются вывести изъ того или другого пониманія этого принципа основы индивидуальнаго поведенія. Такъ, напримѣръ, Гефдингъ говоритъ: если принципомъ всякаго этическаго обоснованія должно быть соображеніе о наибольшемъ или наиболѣе широкомъ благополучіи, то естественно, что самъ этотъ принципъ не можетъ быть обоснованъ этически. Если онъ дѣйствительно вѣрный принципъ, то съ его безсознательнымъ или сознательнымъ признаніемъ вступаетъ въ силу этическій способъ смотрѣть на вещи а съ тѣми, кто отрицаетъ этотъ принципъ, не остается никакой возможности продолжать споръ или доказательства... Индивидуа-

---

[1]) М. Гюйо. Тамъ же, стр. 281—282.

КАБИНЕТ ФИЛОСОФИИ

листическая точка зрѣнія, пока она проводится послѣдовательно, неуязвима логически [1]).

«Возможно ли опровергнуть нигилизмъ?—спрашиваетъ Паульсенъ, подразумѣвая подъ этическимъ нигилизмомъ полное отрицаніе нравственныхъ требованій — Можетъ ли тотъ, кто такъ разсуждаетъ, доводами быть приведенъ къ тому, чтобы онъ былъ принужденъ признать, что неправъ? Въ извѣстномъ смыслѣ,— говоритъ Паульсенъ,—я не думаю, чтобы это было возможно. Можно ему сказать и показать, что другіе чувствуютъ иначе, а онъ на это отвѣтитъ: какое мнѣ до этого дѣло? Вы можете открывать въ себѣ чувство долга и идеалы, но во мнѣ нѣтъ ничего подобнаго, и я не чувствую никакого стремленія къ этому. Вы ему скажете: это недостатокъ; человѣкъ, которому доступны только наслажденія минуты, есть презрѣнное существо; онъ на это отвѣтитъ: а я этого не нахожу; наоборотъ, презрѣнъ тотъ, кто не находитъ мужества дѣлать то, что ему нравится, но позволяетъ себя отпугнуть различными воображаемыми страхами отъ наслажденій данной минуты» [2]).

Точно такъ же Вестермаркъ утверждаетъ: если слово «этика» должно быть употребляемо, какъ обозначеніе науки, то предметомъ ея можетъ быть только изученіе нравственнаго сознанія, какъ факта [3]).

Невозможность объединить интересы общества и индивидуума можетъ за собой вести еще двѣ точки зрѣнія. Съ одной стороны, можно вслѣдъ за сторонниками Ницше совершенно поставить крестъ на всякой нравственности, проникнутой гуманностью и состраданіемъ. Примѣръ такого отношенія мы видимъ въ книгѣ Тилле «Отъ Дарвина до Ницше». Исходя изъ узко понятыхъ представленій о борьбѣ за существованіе и изъ идеаловъ, взятыхъ отъ Ницше и изъ современной политической дѣйствительности Германіи, авторъ требуетъ, чтобы этика перестала, какъ обыкновенно дѣлается, прилаживать отжившее моральное содержаніе къ завоеваніямъ современной біологіи и соціологіи и чтобы изъ строго научныхъ посылокъ была создана

---

[1]) Г. Гефдингъ. Этика или наука о нравственности. Пер. Л. Оболенскаго. Спб. 1898, стр. 32 – 33.

[2]) F. Paulsen. System der Ethik. I Band. Stuttgart u. Berlin. 1903, S. 369.

[3]) Westermark. Ursprung und Entwickelung der Moralbegriffe. Leipzig. 1907, p. 14.

новѣйшая система морали. Эта мораль, основанная на дарвинизмѣ, по мнѣнію Тилле, не можетъ мириться съ демократіей, либерализмомъ, съ ученіемъ о равенствѣ людей, о равноцѣнности людей и одинаковымъ правомъ всѣхъ людей на существованіе. Задачи этой этики должны заключаться въ поднятіи и въ своеобразно понимаемомъ усовершенствованіи человѣческой расы, и эта цѣль должна быть единственнымъ конечнымъ и нравственнымъ идеаломъ. Какой-нибудь поступокъ, который направленъ противъ такого блага расы и дальнѣйшаго развитія типа человѣка, не можетъ дольше считаться за нравственный, даже если бы этотъ поступокъ восхвалялся всѣми бывшими до сихъ поръ создателями нравственности и если бы даже за этотъ поступокъ стояла высшая заповѣдь христіанскаго нравоученія. Двадцать два вѣка буддизмъ, говоритъ Тилле, восемнадцать столѣтій христіанство, три столѣтія реципированное римское право и уже столѣтіе Руссо проповѣдуютъ, что всѣ люди равны, а буддизмъ и христіанство къ этому прибавляютъ увѣщаніе о томъ, что всѣ люди должны другъ друга любить и жертвовать собой другъ за друга. Хотя эти ученія и имѣли ничтожное вліяніе, по его мнѣнію, на общественное устройство, но зато эта проповѣдь имѣла въ томъ смыслѣ успѣхъ, что заставила людей вѣрить, будто равенство, любовь и миръ—основанія жизни. Эти ученія сдѣлались идеями, въ которыхъ искали подъема духа, въ которыя вѣрили, которыми клялись и ради которыхъ проклинали. Эти теоріи считались вѣчнымъ Евангеліемъ человѣчества, высшимъ и священнѣйшимъ его благомъ. На нихъ основано то, что считается идеаломъ общественнаго устройства: всѣ противоположности интересовъ должны быть сглажены, каждый работаетъ для другихъ, царствуетъ взаимная любовь и самопожертвованіе, общее чувство справедливости не терпитъ никакого неравенства; нужда, нищета, голодъ, войны должны быть уничтожены, миръ и согласіе должны сдѣлаться основами общаго счастья [1]). Вотъ идеалы, которые, къ сожалѣнію, съ точки зрѣнія Тилле, стоятъ непреоборимо высоко въ глазахъ современнаго человѣчества, но которыхъ научное мышленіе, какъ оно выразилось въ біологіи, не можетъ признать. Все это должно быть отвергнуто съ точки зрѣнія этого послѣдователя Ницше: улучшеніе расы зависитъ

1) Dr. Alexander Tille. Von Darwin bis Nietzsche. Leipzig. 1895, S. 4—5.

отъ тщательнаго подбора производителей; но этого мало, кромѣ того должно происходить безжалостное исключеніе худшихъ. Современная мораль состраданія къ слабымъ должна быть преодолена, и поэтому Тилле вмѣстѣ съ Заратустрой восклицаетъ: «Не щади своего ближняго».

Выразителемъ противоположной, но тоже въ высшей степени мрачной точки зрѣнія, является Киддъ въ своей «Соціальной эволюціи». Онъ исходитъ изъ взгляда, что разумъ никогда не будетъ въ состояніи согласовать интересы индивидуума съ интересами человѣческаго рода, какъ цѣлаго, между тѣмъ пренебреженіе послѣдними влекло бы за собой гибель человѣчества. Разумъ не можетъ, думаетъ Киддъ, доказать человѣку необходимость слѣдовать нравственнымъ нормамъ.

И вотъ, по взглядамъ Кидда, религіи и являются тою уздою, назначеніе которой держать отдѣльную личность въ рамкахъ поведенія, нужнаго для всего человѣчества. Въ этомъ заключается утилитарное значеніе религій. Онѣ должны давать супраціональную, т.-е. сверхразумную санкцію поведенію личности, которое необходимо, чтобъ поддержать происходящее развитіе общества, но которое по самой природѣ вещей не можетъ имѣть ціональной, г.-е. разумной, санкціи [1]).

Изъ этого вытекаетъ слѣдующій трагическій выводъ: въ то время какъ, по отношенію къ внѣшней природѣ, разумъ составляетъ главное орудіе человѣка, и человѣкъ постоянно превозноситъ свой разумъ, какъ свое драгоцѣннѣйшее достояніе, этотъ же разумъ, направленный на анализъ своей собственной природы и религіозныхъ вопросовъ, становится злѣйшимъ врагомъ человѣчества, съ которымъ люди непрестанно борются. Они считаютъ (и справедливо, по мнѣнію Кидда) своимъ врагомъ, достойнымъ самаго жестокаго наказанія, самаго упорнаго преслѣдованія—какъ это намъ и показываетъ исторія—тѣхъ, кто посовѣтовалъ бы имъ двигаться въ этой области согласно свѣту своего разума. По мнѣнію Кидда, можно предположить, что современная цивилизація стремится удержать умственное развитіе на болѣе низкомъ уровнѣ [2]); это можетъ зависѣть отъ того, что успѣхъ народа пропорціоналенъ не столько его умственному, сколько-

---

1) Б. Киддъ. Соціальная эволюція. Спб. Изд. Поповой, 1897, стр. 97.

2) Тамъ же, стр. 258.

религіозному уровню. Естественный отборъ постоянно вырабатываетъ въ расѣ такой типъ характера, на который общественныя силы дѣйствуютъ всего сильнѣе и успѣшнѣе—отборъ прежде всего вырабатываетъ религіозный характеръ. Та раса, въ которой религіозное чувство развито сильнѣе, побѣждаетъ другія. Характерный примѣръ, по мнѣнію Кидда, въ этомъ отношеніи въ XIX-омъ вѣкѣ представляетъ исторія французской и англосаксонской расъ. Въ началѣ этого столѣтія населеніе Франціи составляло 27 милліоновъ, а англосаксонское населеніе всего свѣта въ то время равнялось 20 милліонамъ. Къ послѣднему же десятилѣтію XIX-го вѣка англосаксонское населеніе достигло ста милліоновъ, не считая подвластныхъ имъ цвѣтныхъ расъ, въ то время какъ населеніе Франціи поднялось всего до сорока милліоновъ, и несомнѣнно англосаксонцы играютъ теперь главенствующую роль на земномъ шарѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что картина, нарисованная Киддомъ, не менѣе мрачна, чѣмъ жизненный строй, являющійся идеаломъ для послѣдователя Ницше, Тилле. Какъ мы видимъ, для Кидда человѣческая личность навѣки обречена на раздвоеніе: самое великое, чѣмъ гордится человѣкъ—это способность послѣдовательно и логически мыслить, допускается только по отношенію къ внѣшнему міру, какъ только же человѣкъ обращаетъ свою мысль на свой внутренній міръ и начинаетъ стараться въ немъ разобраться, этотъ человѣкъ подлежитъ уничтоженію.

Подводя итоги нашего обзора разнообразныхъ попытокъ раціоналистическаго обоснованія нравственности, нужно придти къ выводу о несостоятельности ихъ. Ни одно изъ построеній, о которыхъ мы говорили выше, не объясняетъ, почему слѣдуетъ повиноваться внушеніямъ нравственнаго импульса. Въ этомъ пунктѣ у каждаго раціоналистическаго міропониманія имѣется логическій пробѣлъ: въ цѣпи заключеній есть пропускъ, чрезъ который мысль перескакиваетъ. Пользуется большою извѣстностью мѣсто изъ письма Владиміра Соловьева по поводу заслугъ В. В. Лесевича для философскаго образованія въ Россіи. Тамъ Вл. Соловьевъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ міросозерцаніе русскихъ радикальныхъ круговъ временъ семидесятыхъ годовъ: «Нѣтъ ничего кромѣ матеріи и силы; борьба за суще-

ствованіе произвела сначала птеродактилей, а потомъ плѣшивую обезьяну, изъ которой выродились и люди; итакъ, всякій да полагаетъ душу свою за други своя»[1]). При всей карикатурности это опредѣленіе вполнѣ вѣрно излагаетъ дѣйствительное положеніе дѣла. До тѣхъ поръ, пока не обосновано, почему обязательно или, по крайней мѣрѣ, раціонально для личности повиноваться велѣніямъ внутренняго долга, до тѣхъ поръ не можетъ существовать послѣдовательное позитивное, матеріалистическое или вообще раціоналистическое міросозерцаніе. Нельзя отрицать существованія нравственнаго чувства и его значенія въ жизни человѣчества—это значило бы отрицать факты. И въ такомъ случаѣ люди будутъ раздѣляться или на такихъ, которые вѣрятъ, что внутреннее чувство долга дано имъ свыше Верховной силой, которой они должны повиноваться, или на такихъ, которые сознаютъ въ себѣ наличность общественныхъ инстинктовъ, но для которыхъ неясно, почему они должны имъ слѣдовать. Изъ этого вытекаетъ важность задачи, занимающей насъ—о возможности раціоналистическаго обоснованія цѣлесообразности для индивидуума повиновенія нравственному импульсу.

Перейдемъ теперь къ основной задачѣ, интересующей насъ, къ вопросу о томъ, могутъ ли быть согласованы интересы отдѣльнаго человѣка и общества, можетъ ли быть раціоналистически обосновано повиновеніе нравственному импульсу. Ходъ нашего разсужденія будетъ слѣдующій. Представимъ себѣ человѣка, который задался бы вопросомъ, каково должно быть направленіе душевной дѣятельности для того, чтобы душевныя силы развернулись съ наибольшей интенсивностью, глубиной, яркостью и прочностью. Эта точка зрѣнія, съ которой обычно работаетъ клиницистъ. Вѣдь онъ, имѣя предъ собою опредѣленный организмъ, долженъ рѣшить вопросъ, какой обстановкой окружить этотъ организмъ, какъ направить его, чтобъ его жизнь шла, насколько возможно, полно и удовлетворительно по своей интенсивности и прочности.

Современный педагогъ, врачъ, общественный дѣятель, имѣя предъ собою человѣческій матеріалъ, надъ которымъ они рабо-

---

1) Вл. Соловьевъ. Собраніе сочиненій. Т. VI, стр. 249. С.-ПБургъ. Изданіе „Общественной Пользы“.

таютъ, должны были бы опредѣлять желательное для нихъ содержаніе и направленіе душевной жизни отданныхъ подъ ихъ воздѣйствіе лицъ не на основаніи абстрактныхъ, унаслѣдованныхъ отъ предыдущихъ поколѣній, часто предвзятыхъ теорій, а на основаніи стремленія возможно болѣе полно развить и сдѣлать устойчивыми личности тѣхъ, надъ кѣмъ они работаютъ.

Несомнѣнно, если мы хотимъ добиться расцвѣта душевной жизни, въ основѣ всего должно лежать стремленіе воздѣйствовать на окружающее. Въ активности заключается принципъ роста человѣческой личности. Въ зависимости отъ своего воздѣйствія на окружающее она обогащается духовнымъ содержаніемъ, въ ней укрѣпляются стремленія, которыя затѣмъ подъ вліяніемъ окружающаго координируются. По мѣрѣ того, какъ личность дѣйствуетъ, борется за что-либо, старается внести свое въ окружающее, изъ отдѣльныхъ хотѣній сплачиваются и организуются стойкія и планомѣрныя стремленія. Вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ частный случай общаго закона, по которому упражненіе органа является условіемъ его благосостоянія и роста: такъ, мышца дѣлается большихъ размѣровъ и сильнѣе подъ вліяніемъ упражненія.

Такимъ образомъ, первымъ условіемъ роста личности является ея стремленіе воздѣйствовать на окружающее, достигнуть чего-нибудь, завоевать и т. п. Но достигнуть чего-нибудь большаго и въ свою очередь развить свои душевныя силы и способности можно только въ рамкахъ общественности. Какой бы родъ дѣятельности мы ни взяли: накопленіе богатства, жажда вліянія на окружающихъ и власти, научная дѣятельность, эстетическія наслажденія—все это, начинаясь съ удовлетворенія личныхъ потребностей и вкусовъ, поскольку здѣсь не будетъ довольства первыми получившимися результатами, а будетъ стремленіе къ болѣе сильному и яркому, все это непремѣнно выльется въ широкую общественную дѣятельность.

Человѣкъ, поставившій себѣ задачу накоплять земныя блага въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова—богатство, въ сколько-нибудь сложномъ обществѣ несомнѣнно этой цѣлью будетъ вовлеченъ въ сложныя общественныя отношенія. Поставивъ себѣ узкую и опредѣленную цѣль нажить деньги, состояніе, онъ поневолѣ начнетъ играть роль организатора труда, завѣдующаго

какимъ-либо производствомъ или отраслью товарообмѣна; не желая, онъ выполняетъ общественныя функціи. Представимъ себѣ, что у человѣка музыкальныя или художественныя стремленія. Какъ только стремленія его къ искусству начнутъ болѣе ярко выражаться, они непремѣнно примутъ общественныя формы. Вѣдь нельзя же заниматься музыкой или живописью одному, такъ какъ и музыкантъ, и художникъ получаютъ отъ людей, восхищающихся ихъ произведеніями и критикующими ихъ, новые импульсы и задачи. То же относится и къ стремленію къ знанію и къ научному изслѣдованію окружающаго. Научнаго работника нельзя представить, съ самыхъ первыхъ проявленій научнаго изслѣдованія, не сообщающимъ своихъ открытій другимъ, и каждый, становящійся въ ряды научныхъ работниковъ, непремѣнно долженъ сообразоваться съ методикой, выработанной до него, и фактами, полученными его предшественниками. Наконецъ, возьмемъ человѣка, стремящагося къ власти и богатству—добиться власти и богатства онъ можетъ только исполняя общественныя функціи. Вспомнимъ орды завоевателей въ родѣ норманновъ и т. п.: нападая, они думали о добычѣ, но, завоевавъ страну, они являются организаторами государственнаго устройства. Великіе завоеватели, люди, ставившіе на первый планъ свой успѣхъ, по мѣрѣ того, какъ дѣло ихъ росло, становятся основателями новыхъ династій, новыхъ государствъ, объединителями разрозненныхъ частей одной націи или соединяютъ множество отдѣльныхъ національностей въ одно цѣлое. Возьмемъ представителей одной изъ самыхъ элементарныхъ государственныхъ идей—московскихъ князей, для которыхъ ихъ страна была ихъ вотчиной, а ихъ подданные были ихъ людишки, составлявшіе со всѣмъ своимъ имуществомъ собственность государя, какъ составляетъ живой инвентарь собственность помѣщика. Даже эта бѣдная идея, при условіи, что она двигала людьми, могла явиться громадной организующей силой. Узкое и эгоистическое дѣло всегда по мѣрѣ того, какъ оно растетъ, начинаетъ въ сознаніи дѣлающихъ это дѣло принимать все болѣе общественный и идеалистическій характеръ. Завоеванія римлянъ, начатыя и продолжавшіяся изъ-за стремленія къ добычѣ и власти, повлекли за собою объединеніе извѣстнаго въ то время міра, привели къ установленію pax romana. Даже идея вотчины и людишекъ, составлявшихъ собственность государя, въ дальнѣйшемъ естествен-

нымъ образомъ перешла въ идею такого царя, какъ Петръ, который считалъ себя первымъ работникомъ въ государствѣ. И эта метаморфоза совершенно естественна и обычна: только на лѣниваго хозяина работаютъ другіе, хозяинъ же дѣятельный, энергичный является дѣятельнымъ и самымъ занятымъ работникомъ во всемъ хозяйствѣ. Если личность стремится расти, то она не можетъ расти иначе, какъ въ сторону широкихъ соціальныхъ отношеній, такъ какъ только въ этомъ направленіи и имѣется для нея безграничный просторъ. Такъ, если мы станемъ вкось переходить распаханное поле, то непремѣнно отклонимся въ сторону, такъ какъ каждая борозда, которая будетъ у насъ на пути, будетъ нѣсколько отклонять насъ отъ намѣченнаго направленія.

Теперь мы перейдемъ къ выясненію слѣдующаго существеннаго обстоятельства. Какимъ бы дѣломъ ни былъ занятъ человѣкъ, если только ему удастся придать альтруистическій характеръ своей дѣятельности, перенеся центръ интересовъ внѣ своей личности, то въ этомъ случаѣ интенсивность работы, ея продуктивность увеличиваются и сама работа дѣлается для дѣйствующаго лица болѣе легкой. Способность встать на точку зрѣнія интересовъ, лежащихъ внѣ интересовъ твоей личности, есть условіе, облегчающее душевную дѣятельность и дѣлающее болѣе яркими ея проявленія.

Альтруистическое направленіе психической дѣятельности отражается на всѣхъ сторонахъ душевной жизни. Возьмемъ область познанія. Уже характеръ этого отдѣла душевной жизни самъ по себѣ исключаетъ сосредоточеніе вниманія на субъектѣ всякій разъ, какъ познаваніе проявляется въ сильныхъ и глубокихъ формахъ. Кругъ понятій и мыслей у человѣка, который ограничивается интересами только своей личности уже въ силу этого будетъ въ высшей степени ограниченъ и бѣденъ. Конечно, познаваніе начинается съ того, что опредѣляютъ отношеніе окружающихъ явленій къ субъекту, но уже въ скоромъ времени въ сознаніи начинаютъ образовываться отдѣльныя группы впечатлѣній, которыя и являются для него объектами окружающаго міра, и тогда для болѣе полнаго и лучшаго познанія ихъ является въ высшей степени необходимымъ отрѣшиться на время отъ того исключительнаго вниманія, которое обычно сосредоточиваетъ на себѣ наша личность и сосредоточить его на интересующемъ насъ

объектѣ. Чѣмъ болѣе это намъ удается, тѣмъ болѣе полное представленіе получаемъ мы объ этомъ объектѣ.

Насколько этотъ процессъ перенесенія центра интересовъ внѣ себя играетъ большую роль въ познаваніи, видно изъ манеры представлять себѣ окружающее, какое мы наблюдаемъ у первобытнаго человѣка и у ребенка. Какъ извѣстно, и тотъ, и другой окружаютъ себя только одушевленными предметами: дерево, камень, ручей, облако являются для нихъ живыми существами, которыя не только существуютъ, но и чувствуютъ, стремятся къ чему-то, дѣйствуютъ и т. д. Въ сущности, взрослый человѣкъ разсуждаетъ такимъ же образомъ, только онъ каждый разъ вноситъ поправки, полученныя имъ отъ предыдущихъ опытовъ и имѣя передъ собою предметъ, онъ переноситъ на него свою сущность, откинувъ предварительно всю сумму признаковъ, которые, какъ онъ по опыту убѣдился, отличаютъ этотъ предметъ отъ человѣческаго существа.

Въ еще большей степени необходимо отрѣшиться отъ личныхъ интересовъ для яснаго познанія окружающихъ насъ людей. А вѣдь, въ сущности, это наиболѣе важная для человѣка часть его отношеній къ окружающему міру.

Наша жизнь главнымъ образомъ является системой нашихъ отношеній къ окружающимъ людямъ. Отъ болѣе или менѣе вѣрной оцѣнки этихъ отношеній, отъ умѣнья достаточно вѣрно и полно схватить характерныя черты тѣхъ людей, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло, зависитъ, складывается ли наша жизнь болѣе или менѣе удачно. Но какъ же получить возможно болѣе полное представленіе о другомъ человѣкѣ? Великіе знатоки человѣческаго сердца, великіе писатели беллетристы показываютъ намъ, какой путь въ этомъ случаѣ выгоднѣе всего. Лучше всего познать другого человѣка можно, если отрѣшиться отъ своихъ интересовъ и постараться на время, насколько это возможно, представить себя въ положеніи другого съ его чувствами, настроеніями и, хотя бы на время, сдѣлать его интересы своими. Развѣ можетъ, напримѣръ, писатель ясно изобразить жизнь своихъ героевъ, не принимая близко къ сердцу ихъ радости и заботы? Развѣ можно насладиться и получить пользу отъ романа, если горе и радость героевъ его чужды намъ? Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что если подходить къ человѣческому существу съ корыстными побужденіями,

то оно невольно настораживается, начинаетъ относиться къ вамъ враждебно и, по возможности, замыкается отъ васъ. Если же оно видитъ въ васъ симпатію и желаніе помочь, то оно идетъ къ вамъ навстрѣчу. Такимъ образомъ, полнота и правильность нашего представленія объ окружающихъ насъ людяхъ зависитъ отъ того, насколько мы въ состояніи отрѣшиться отъ узкихъ личныхъ интересовъ, сосредоточивающихся на насъ самихъ, и сумѣемъ расширить кругъ дорогого для насъ.

Что касается познанія вообще окружающаго насъ міра, то надо отмѣтить, что высшія формы познанія совершенно не поддаются усвоенію и пользованію, если не умѣть отрѣшиться отъ узкихъ личныхъ интересовъ.

Можно изучать что-либо и при этомъ держаться той точки зрѣнія, что это изученіе только подчиненная цѣль, главное же это интересы твоей личности. Можно изучать какую-нибудь науку, чтобы потомъ имѣть кусокъ хлѣба, чтобы завоевать себѣ выдающееся положеніе, чтобы прославиться, наконецъ, чтобы наслаждаться наукой и украшать себя ею. Но, вѣроятно, каждый знаетъ, что настоящее, обстоятельное, полное знаніе начинается съ того момента, когда изучающій оставляетъ въ сторонѣ всякія постороннія цѣли и признаетъ изучаемый имъ вопросъ для себя самой важной, самой интересной вещью. Вокругъ этого изучаемаго имъ объекта въ его сознаніи группируются отношенія всего остального міра, и самъ изучающій кажется себѣ чѣмъ-то второстепеннымъ, какимъ-то придаткомъ къ изучаемой имъ системѣ явленій. «Не тронь моихъ чертежей», крикнулъ Архимедъ бросившемуся на него съ мечомъ солдату, и эти слова указываютъ не только то, что ученый въ этотъ моментъ неясно представлялъ себѣ положеніе вещей внѣ поглотившаго все его вниманіе вопроса, но и самый вопросъ былъ ему дороже жизни.

Такимъ образомъ, наименѣе выгоднымъ въ смыслѣ получаемыхъ результатовъ методомъ познаванія окружающаго является тотъ, при которомъ изслѣдующій подходитъ къ предмету съ вопросомъ: «а какая мнѣ будетъ отъ него польза или выгода или, наоборотъ, вредъ?» Самый же продуктивный пріемъ познаванія окружающаго заключается въ томъ, чтобы совершенно позабыть о своихъ интересахъ и интересахъ близкихъ людей и поставить изслѣдуемый предметъ въ центрѣ своего вниманія.

Если человѣку, не привыкшему къ умственному труду, приходится имъ заниматься, то, обычно, ради только эгоистическихъ побужденій ему не удается пойти впередъ дальше начальныхъ шаговъ.

Одинъ изъ пріемовъ облегчить для себя умственную работу это приняться за нее ради альтруистическихъ побужденій. Такъ, среди полуинтеллигенціи вы постоянно услышите вопросъ: «а какая будетъ польза отъ того или другого знанія для людей?» Занятія наукой признаются въ этой средѣ или просто съ цѣлями личной выгоды, или для пользы другихъ, сами же по себѣ не считаются дѣломъ допустимымъ. Въ этомъ мотивированіи занятій наукой ея пользой для людей я вижу попытку облегчить для себя работу, которая сама по себѣ является не подъ силу: альтруистическій мотивъ является здѣсь вспомогательнымъ средствомъ, который помогаетъ взять трудность, непреодолимую безъ этой поддержки.

Мы старались выяснить, что по мѣрѣ того, какъ воздѣйствіе личности на окружающее становится значительнѣй, эта дѣятельность, независимо отъ намѣреній личности, принимаетъ все болѣе общественный характеръ. Далѣе, мы указывали, что появленіе въ дѣятельности человѣка общественныхъ мотивовъ увеличиваетъ его способность воздѣйствовать на окружающее. Наконецъ, то обстоятельство, что дѣятельность человѣка управляется альтруистическими мотивами, въ значительной степени облегчаетъ для него внѣшнія условія воздѣйствія на окружающее. Представимъ себѣ сильную личность, осуществляющую какое-нибудь дѣло; она въ окружающихъ лицахъ будетъ встрѣчать или безразличное отношеніе, поскольку они не заинтересованы, или враждебное, если ихъ интересы затронуты въ неблагопріятную сторону. Только та небольшая часть, для которой интересы дѣйствующаго лица будутъ совпадать съ ихъ собственными интересами, будетъ ему сочувствовать и помогать. Дѣло совершенно мѣняется, когда личность ставитъ цѣлью своей дѣятельности не свои интересы, а интересы какой-нибудь группы: тогда каждый изъ входящихъ въ составъ ея лицъ видитъ въ дѣйствующемъ человѣка, въ успѣхѣ котораго онъ заинтересованъ; во всѣхъ этихъ людяхъ нашъ герой найдетъ сочувствующихъ, помогающихъ ему; въ силу этого продуктивность его дѣятельности увеличится. Въ виду того, что здѣсь цѣлая группа лицъ

заинтересована въ общемъ дѣлѣ, становится возможной организація раздѣленія труда, цѣнныя стороны и способности каждаго отдѣльнаго лица утилизируются наилучшимъ образомъ. Даже для группы лицъ, соединившихся съ корыстными цѣлями, въ высшей степени благопріятно, если кромѣ корыстныхъ интересовъ, ихъ будутъ связывать узы симпатіи, дружбы, братства, взаимнаго уваженія.

Внѣ всякаго сомнѣнія, можно добиться выдающагося общественнаго положенія, преслѣдуя личныя свои цѣли, но жизнь и дѣятельность въ высшей степени облегчаются въ томъ случаѣ, когда человѣкъ сумѣетъ совмѣстить свое стремленіе къ выдающемуся общественному положенію съ симпатіями къ тому дѣлу, которому онъ служитъ, съ симпатіей къ тѣмъ людямъ, съ которыми онъ работаетъ и которыми онъ руководитъ.

Насколько широкіе общественные интересы благопріятствуютъ росту личности ясно видно въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, жившій до того въ кругу узкихъ личныхъ интересовъ, внезапно переходитъ къ болѣе широкой общественной жизни. Вмѣсто узкаго тѣснаго круга знакомыхъ и товарищей, похожихъ на него умственнымъ и душевнымъ складомъ и такого же приблизительно достоинства, какъ и онъ, наблюдаемый нами человѣкъ попадаетъ въ широкій кругъ работниковъ, занятыхъ однимъ съ нимъ дѣломъ и объединенныхъ этимъ дѣломъ, несмотря на различія въ ихъ возрастахъ, характерахъ, способностяхъ, образованіи, энергіи. Расширеніе круга интересовъ обычно ведетъ такого человѣка къ столкновенію на общей работѣ не только съ большимъ числомъ людей, но и съ людьми болѣе крупными и яркими, чѣмъ съ какими приходилось ему встрѣчаться раньше, и совмѣстная дѣятельность съ ними не можетъ не отозваться на ростѣ его личности.

Обобщить эти факты мы можемъ слѣдующимъ образомъ. Альтруистическое направленіе душевной дѣятельности является факторомъ, благопріятствующимъ ея болѣе интенсивнымъ и прочнымъ проявленіямъ, такъ какъ альтруистическія чувства влекутъ человѣка изъ болѣе тѣснаго и простого круга отношеній въ болѣе сложный и обширный. Вспомнимъ характеристику жизненныхъ процессовъ по Конту и Спенсеру. Характерное свойство жизни заключается, согласно имъ, въ согласованности процессовъ, происходящихъ внутри организма, съ процессами, про-

исходящими внѣ его въ окружающей средѣ. Въ элементарной обстановкѣ можетъ существовать только элементарное существо; на каждое осложненіе среды, на каждое появленіе въ ней новаго фактора организмъ долженъ отвѣчать соотвѣтствующимъ осложненіемъ своей физіологической или психической организаціи.

Такъ, въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, въ деревняхъ, разбросанныхъ далеко другъ отъ друга, гдѣ люди вырастаютъ и умираютъ, не отходя далеко отъ своей колокольни, живутъ только примитивные человѣческіе типы. Вмѣстѣ съ экономическимъ усложненіемъ этой среды, развитіемъ торговыхъ и сложныхъ политическихъ отношеній появляются и болѣе сложныя психическія организаціи.

Несомнѣнно эволюція организмовъ и усложненіе среды происходили до появленія альтруистическихъ и вообще соціальныхъ инстинктовъ и безъ нихъ. Одно увеличеніе числа живыхъ существъ вслѣдствіе размноженія на извѣстной площади влекло для нихъ необходимость дальнѣйшаго развитія и дифференцировки. Такимъ образомъ при наличности одного инстинкта самосохраненія эволюція происходила. Но присутствіе альтруистическихъ инстинктовъ явилось новымъ могущественнымъ факторомъ, влекущимъ существа въ болѣе сложную обстановку и, слѣдовательно, къ болѣе высокимъ ступенямъ психической организаціи. Такъ, самые начатки альтруистическихъ инстинктовъ влекутъ человѣка изъ узкаго круга стремленій и опыта, связанныхъ только съ интересами его личности, сперва въ семью. Полюбить кого-нибудь это значитъ обогатить свое психическое содержаніе цѣлымъ міромъ новыхъ отношеній, желаній, поступковъ, группирующихся вокругъ личности, сдѣлавшейся намъ дорогой. Личность, выросшая на почвѣ семейныхъ отношеній, получаетъ еще болѣе богатое душевное содержаніе, когда чувство симпатіи заставитъ ее признать интересы своего рода или племени за близкіе себѣ.

Болѣе богатое содержаніе является результатомъ того, что объектомъ чувства симпатіи дѣлаются еще болѣе широкія общественныя группы.

Современная семья, общество организовались при участіи альтруистическаго инстинкта и, если бы представить себѣ его полное отсутствіе въ теченіе развитія современнаго человѣчества,

то мы бы имѣли и въ формахъ жизни, и въ человѣческомъ типѣ нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что они представляютъ собою теперь. Нѣтъ сомнѣнія, что можно въ современномъ обществѣ основать семью, участвовать въ общественной жизни, не имѣя альтруистическихъ инстинктовъ, но тогда, для такого человѣка, и семейныя отношенія, и общественныя сложатся въ гораздо болѣе бѣдныя по содержанію формы. Семья, основанная на почвѣ эгоизма ея главы, если и можетъ существовать, то представитъ собою крайне уродливое и бѣдное по формѣ содержаніе. Можно не имѣть нравственныхъ нормъ и быть политическимъ дѣятелемъ, но въ этомъ случаѣ психическая жизнь объекта нашего вниманія не можетъ сравниться по богатству своего содержанія съ тѣмъ случаемъ, когда политическій дѣятель одушевленъ любовью къ своему народу и къ дѣлу, которое онъ защищаетъ.

Можно выставить, какъ несомнѣнное, утвержденіе, что общественная жизнь является той почвой, на которой развилось психическое богатство и сложность современной человѣческой личности. Только на почвѣ общественной жизни могли развиться: языкъ, сложный аппаратъ мышленія, наука и искусство. Правда, могутъ возразить, что не всегда групповая жизнь способствуетъ развитію психики. Такъ, живущія стадами, жвачныя менѣе сообразительны, обладаютъ меньшей иниціативой, чѣмъ живущія отдѣльно. Но это только частный случай, понятный изъ условій жизни этихъ существъ. Жизнь стадомъ представляетъ столько преимуществъ и настолько охраняетъ отдѣльныхъ животныхъ отъ опасностей, что они могутъ существовать при значительно меньшемъ развитіи интеллекта, чѣмъ изолированно живущія, которыя были бы скоро истреблены, если бы они не были болѣе осторожны, наблюдательны и снабжены меньшей иниціативой. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что здѣсь мы имѣемъ сообщество, цѣль котораго возможно болѣе спокойное поѣданіе травы; а, если бы взяли сообщество для совмѣстнаго добыванія пищи или для совмѣстной ловли добычи, какъ у обезьянъ или волковъ, то, можетъ быть, убѣдились бы, что совмѣстная жизнь способствуетъ развитію душевныхъ способностей.

Точно также, хотя общеніе людей между собою способствуетъ ихъ душевному развитію, мы можемъ встрѣтить выдающіеся примѣры великой души — и у отшельниковъ, отрѣ-

шившихся отъ міра, у людей, отстранившихся отъ суеты и сутолоки жизни. И здѣсь мы имѣемъ только кажущееся противорѣчіе общей истинѣ. Человѣку съ большимъ душевнымъ богатствомъ, которое частью обусловлено его нервной организаціей, выработанной его предками на почвѣ общественныхъ отношеній, съ другой же стороны накоплено имъ самимъ, его жизнью въ обществѣ, можетъ быть, полезно изолировать себя для того,— чтобы его внутреннія богатства развернулись возможно пышно въ формѣ религіознаго или философскаго ученія; но этотъ примѣръ не составляетъ противорѣчія общей истинѣ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ право формулировать отдѣльные, приведенные нами факты въ видѣ слѣдующаго общаго закона: такъ какъ все душевное содержаніе человѣка—языкъ, способность логически мыслить, воображеніе, эмоціональная жизнь—выработалось на почвѣ соціальныхъ отношеній, то *такое направленіе душевной дѣятельности, которое наиболѣе благопріятствуетъ соціальнымъ отношеніямъ, будетъ наиболѣе благопріятствовать и развитію душевной жизни индивидуума.*

Альтруистическія стремленія, несомнѣнно благопріятствующія соціальнымъ отношеніямъ, являются однимъ изъ существеннѣйшихъ факторовъ, обусловливающихъ богатство и яркость душевнаго содержанія. Въ той же мѣрѣ они способствуютъ и устойчивости душевной жизни, такъ какъ личность, обладающая болѣе сложной душевной организаціей, въ состояніи болѣе точно констатировать измѣненія въ окружающей средѣ—она будетъ уловлять такія измѣненія, которыя недоступны для существа съ болѣе грубой организаціей. А болѣе точное познаніе окружающей среды сдѣлаетъ возможнымъ и болѣе цѣлесообразную реакцію въ отвѣтъ на эти измѣненія окружающей среды. Обладая большимъ богатствомъ душевной жизни, такое существо при прочихъ равныхъ условіяхъ будетъ болѣе устойчивымъ, такъ какъ, въ случаѣ неудачи въ одномъ направленіи, оно найдетъ опору въ другихъ сторонахъ своей душевной дѣятельности. Такъ какъ альтруистическое направленіе душевной жизни влечетъ человѣка изъ болѣе тѣсной среды въ болѣе широкую и сложную, то мы при этомъ можемъ предполагать образованіе болѣе стойкой личности еще потому, что существо, сложившееся при болѣе открытой внѣшнимъ вліяніямъ обстановкѣ, будетъ устойчивѣе существа, сложившагося

въ болѣе тѣсной (тепличной). Это частный случай общаго біологическаго закона [1]).

Представимъ себѣ, что альтруистическія стремленія, которыя были важнымъ благопріятствующимъ факторомъ въ процессѣ развитія душевной жизни, исчезли. Несомнѣнно, ихъ исчезновеніемъ наносится крупный ущербъ душевной жизни человѣка, съ которымъ это произошло. Этотъ ущербъ обусловливается не только тѣмъ, что извѣстный, благопріятствующій жизни факторъ пересталъ дѣйствовать; мы представляемъ себѣ этотъ ущербъ значительно болѣе глубокимъ и существеннымъ. Въ противоположность Спенсеровской точкѣ зрѣнія, согласно которой альтруистическія чувства сравнительно поздно возникли изъ чувствъ эго-альтруистическихъ, мы должны предполагать, что альтруистическій факторъ участвовалъ въ созданіи нашего психическаго аппарата съ самаго возникновенія въ живыхъ существахъ душевной жизни, что его благопріятствующему вліянію элементы психической жизни въ значительной степени обязаны своимъ возникновеніемъ. Вслѣдствіе этого всѣ они носятъ въ своей конструкціи отпечатокъ зависимости отъ альтруистическихъ чувствъ. Такимъ образомъ, когда субъектъ рѣшается круто измѣнить свой душевный строй и отрѣшиться отъ альтруизма, онъ не только лишается фактора, крайне благотворно вліявшаго на его душевную жизнь, но и вноситъ глубокій разладъ въ свой душевный міръ: новое направленіе душевной жизни, построенное на одномъ эгоизмѣ, все время имѣетъ дѣло съ элементами душевной жизни, построенными при совершенно иной обстановкѣ, подъ совершенно другимъ угломъ зрѣнія— изъ этого вытекаетъ постоянный разладъ во внутренней жизни этого человѣка.

Для точки зрѣнія, развиваемой нами, въ высшей степени важна психологическая теорія Л. І. Петражицкаго. Согласно ему значительная часть явленій душевной жизни не укладывается въ рамки обычнаго раздѣленія на познаваніе, чувство и волю. По его мнѣнію, есть цѣлый своеобразный разрядъ душевныхъ явленій, носящихъ смѣшанный характеръ, представляющій

---

[1]) Относительно вопроса объ устойчивости и прочности личности см. мою статью «Объективная необходимость прогресса» въ «Вопросахъ философіи и психологіи», кн. 59-я. Настоящая работа представляетъ въ значительной степени дальнѣйшее развитіе взглядовъ, изложенныхъ въ той работѣ.

въ одно и то же время черты пассивнаго переживанія и активныхъ волевыхъ стремленій и сопровождаемыхъ обычно различными сужденіями. Эти психическіе процессы онъ называетъ эмоціями или импульсіями. Вмѣсто традиціонной классификаціи элементовъ психической жизни на познаніе, чувство и волю получается слѣдующая классификаціонная схема: элементы душевной жизни дѣлятся на 1) двухстороннія пассивно-активныя эмоціи (импульсіи) и на 2) односторонніе, распадающіяся въ свою очередь на А) односторонне-пассивныя, познавательныя и чувственныя переживанія и Б) односторонне-активныя, волевыя переживанія.

Эти эмоціи представляютъ собою проявленія дѣятельности сложныхъ нервныхъ механизмовъ, заложенныхъ въ живыхъ существахъ. Примѣры ихъ мы можемъ наблюдать у животныхъ. Такъ, зоологъ П. Ю. Шмидтъ описываетъ слѣдующее. Онъ подобралъ ястребенка, вывалившагося изъ гнѣзда и притомъ только что вылупившагося изъ яйца,—птенецъ даже еще не обсохъ отъ содержимаго яйца. Послѣ нѣкотораго времени наблюдателю пришло на мысль показать ястребенку маленькаго утенка. «Надо было видѣть,—говоритъ П. Ю. Шмидтъ,—что произошло съ ястребенкомъ при первомъ же взглядѣ, брошенномъ на будущую жертву. Его глаза засверкали, онъ сталъ дико и пронзительно кричать, щелкалъ клювомъ, рвалъ когтями сѣтку своей клѣтки и хлопалъ крыльями, чтобы вырваться и добраться до утенка. Тотъ же обнаружилъ всѣ признаки сильнѣйшаго страха... Онъ метался, тыкался въ полъ, старался съежиться въ комочекъ и жалобно пищалъ. Между тѣмъ вѣдь ни тотъ, ни другой не видали другъ друга—они встрѣтились впервые на жизненномъ пути, имъ не могли привить страха и ненависти ихъ родители, по крайней мѣрѣ это можно съ полной увѣренностью сказать относительно ястребенка, выросшаго на моемъ попеченіи. Жажда крови, съ одной стороны, и паническій ужасъ передъ природнымъ врагомъ—съ другой, были, очевидно, вложены въ ихъ организацію совершенно такъ же, какъ цвѣтъ ихъ перьевъ, какъ форма крыльевъ, какъ звукъ ихъ голоса. И удивительнѣе всего,—продолжаетъ зоологъ,—что проявленіе этихъ чувствъ, связанныхъ съ цѣлымъ рядомъ сложныхъ дѣйствій, обнаружилось при воспріятіи формъ и очертаній, никогда не виданныхъ ранѣе. Слѣдовательно, совершенно

опредѣленное изображеніе, отброшенное на сѣтчатку глаза должно было автоматически вызвать въ мозгу рядъ процессовъ, повлекшихъ за собою проявленіе страха и кровожадности».

Совершенно такіе же нервные механизмы можно констатировать и у человѣка. Одинъ изъ этихъ приборовъ (эмоцій), наиболѣе знакомыхъ каждому, это голодъ-аппетитъ. Л. І. Петражицкій доказываетъ, что это не есть просто чувство, а нѣчто гораздо болѣе сложное. Въ извѣстный моментъ, подъ вліяніемъ привычныхъ специфическихъ возбудителей, напр., при наступленіи обычнаго часа ѣды, при упоминаніи объ опредѣленныхъ темахъ во время разговора, при видѣ съѣдобныхъ и аппетитныхъ вещей въ насъ начинается сложный процессъ, который характеризуется тѣмъ, что всѣ части нашего организма, принимающія участіе въ пріемѣ пищи, приспособляются, приготовляются къ этому дѣйствію. Измѣняется распредѣленіе крови, начинается работа различныхъ пищеварительныхъ железъ верхняго отдѣла пищеварительнаго тракта, происходятъ сокращенія опредѣленныхъ мышцъ; наше вниманіе сосредоточивается на всемъ, имѣющемъ отношеніе къ акту ѣды, наши органы чувствъ изощряются въ опредѣленномъ направленіи—мы слышимъ запахи и звуки, на которые бы раньше не обратили своего вниманія. Но и отдѣлы нервной системы, завѣдующіе высшими проявленіями психической жизни, въ этотъ моментъ перестраиваются соотвѣтствующимъ образомъ: такъ, въ это время для насъ дѣлается невозможнымъ рѣшать какую-либо сложную теоретическую задачу, а всѣ наши мысли сконцентрировываются на актѣ ѣды. Аппетитъ-голодъ часто объясняютъ тѣмъ, что ко времени возникновенія его организмъ бѣднѣетъ тѣми веществами, которыя пріемъ пищи долженъ пополнить, и это измѣненіе химическаго состава организма, а въ частности крови, воздѣйствуетъ соотвѣтствующимъ образомъ на центральную нервную систему. Весьма вѣроятно, что измѣненіе химическаго состава соковъ организма играетъ здѣсь свою роль, но, очевидно, роль только одного изъ опредѣленныхъ раздражителей, приводящихъ въ движеніе особый нервный механизмъ, такъ же, какъ отъ надавливанія на кнопку пускается въ ходъ механизмъ какой-нибудь заводной игрушки.

Другой характерный примѣръ эмоціи, по проф. Л. І. Петражицкому,—это охота. Здѣсь также въ опредѣленной обстановкѣ въ отвѣтъ на специфическія раздраженія приводится въ

ходъ сложный нервный механизмъ; отношеніе ястребенка къ утенку, приведенное выше, можетъ служить однимъ изъ примѣровъ, взятыхъ изъ міра животныхъ, но то же мы можемъ наблюдать и у человѣка. Мы видимъ въ такомъ случаѣ, какъ обостряется вниманіе въ опредѣленномъ направленіи; дѣлается тоньше воспріятіе опредѣленныхъ внѣшнихъ раздраженій, мѣняется распредѣленіе крови, напряженіе мышцъ, и все сосредоточивается на одномъ: замѣтить добычу, нагнать ее, схватить и осилить. Этотъ механизмъ выработался въ то время, когда наши предки—первобытные люди или животныя, должны были сами ловить живую добычу. Проф. Петражицкій отмѣчаетъ, что этотъ аппаратъ еще не могъ приспособиться къ современнымъ условіямъ охоты. Теперь огнестрѣльное оружіе требуетъ хладнокровія и умѣнья попасть въ цѣль—охотникъ долженъ имѣть твердую руку. Между тѣмъ, какъ у страстнаго охотника руки дрожатъ отъ волненія, какъ будто онъ готовится броситься на преслѣдуемое животное и вступить съ нимъ въ рукопашный бой. Примѣромъ эмоцій являются, какъ указываетъ Петражицкій, репульсивныя эмоціи: тотъ комплексъ чувствъ и движеній, который наступаетъ, когда до сознанія доходитъ присутствіе чего-либо, возбуждающаго отвращеніе или страхъ какого-нибудь пресмыкающагося, ядовитаго насѣкомаго или же присутствіе чего-нибудь возбуждающаго отвращеніе къ пищѣ, напр., мухи въ проглоченномъ молокѣ. Въ составъ этой репульсивной эмоціи входитъ цѣлый рядъ движеній, направленныхъ къ тому, чтобы избѣжать непріятный объектъ и избавиться отъ него; къ этому присоединяется цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ психическихъ переживаній.

Этихъ пассивно-активныхъ состояній, эмоцій, имѣется въ организмѣ длинный рядъ; мы унаслѣдовали ихъ отъ отдаленныхъ предковъ, выработавшихъ ихъ какъ полезныя приспособленія въ борьбѣ за жизнь. Къ числу ихъ принадлежатъ и различныя эмоціи альтруистическаго характера. Однимъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ ихъ является тотъ комплексъ движеній и ощущеній, который наступаетъ, когда человѣкъ видитъ другого въ опасности, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ, приведенныхъ выше (у Гюйо и другихъ).

Роль эмоцій въ жизни человѣка двояка: съ одной стороны, онѣ выполняютъ опредѣленныя функціи, направленныя къ сохра-

ненію индивида или къ поддержанію общественныхъ отношеній. Но, кромѣ того, онѣ имѣютъ громадное значеніе въ качествѣ факторовъ, благодаря которымъ большое количество запасенной энергіи сразу переходитъ изъ скрытаго состоянія въ явное; проявленіе сильной эмоціи интенсивно потрясаетъ весь организмъ. По этому поводу мы должны сказать нѣсколько словъ о роли раздражителей для живого существа. Недостаточно живое существо снабдить пищей, помѣстить его въ болѣе или менѣе подходящую обстановку для того, чтобы жизнь его протекала нормально. Кромѣ всего этого, для него необходимы соотвѣтствующіе раздражители. Представимъ себѣ вялый и хилый организмъ; мы ему можемъ въ обили доставлять пищу, воздухъ, возможность двигаться, но онъ не будетъ принимать эту пищу или же, хотя пищевыя вещества и будутъ доставляться къ его клѣткамъ, они не будутъ ими утилизироваться. Въ этомъ случаѣ необходимо, чтобъ измѣнился характеръ обмѣна веществъ, темпъ жизненнаго процесса. Отчасти можно достичь этого, подвергая организмъ дѣйствію солнечнаго свѣта, морского воздуха, купанья и т. п.; это, такъ называемые альтерирующіе факторы, но выборъ ихъ довольно ограниченъ и вліяніе ихъ не всегда достаточно интенсивно. Вліяніе такихъ агентовъ, какъ свѣтъ, купаніе и т. д., сводится ни къ чему другому, какъ раздраженію нервныхъ периферическихъ окончаній въ кожѣ и къ передачѣ этого раздраженія центральной нервной системѣ, черезъ посредство нервовъ. Эту же роль возбудителей могутъ играть и эмоціи; въ этомъ можетъ заключаться благодѣтельная роль, вліяніе, напримѣръ, охоты или общественныхъ игръ. Эмоція, какъ мы указывали выше, какъ бы схватываетъ все нервное существо человѣка, потрясаетъ его, ведетъ къ бурному проявленію энергіи, но даетъ по завершеніи этой траты толчокъ къ новому накопленію энергіи. Въ этомъ случаѣ играетъ роль характерное свойство жизненныхъ процессовъ: при нормальныхъ условіяхъ болѣе интенсивная трата запасенной энергіи влечетъ за собою и болѣе интенсивное усвоеніе энергіи извнѣ. Вотъ процессъ, благодаря которому, вяло теплившаяся жизнь можетъ перейти въ яркую, интенсивную.

Изъ вышеизложеннаго видно, какую важную роль могутъ играть вообще эмоціи для организма. Но самый выборъ ихъ не такой уже большой, чтобы можно было пренебрегать нѣ-

которыми изъ нихъ. Самая обычная изъ нихъ это — актъ ѣды; помимо того, что ѣда доставляетъ организму вещества, необходимыя для пополненія происшедшихъ тратъ, она играетъ и другую роль—это періодически повторяющееся, необходимое для насъ оживленіе жизненныхъ процессовъ. Отъ времени до времени, обычныхъ трапезъ, происходящихъ въ обыденной обстановкѣ, оказывается недостаточно. Тогда у людей является потребность собраться вмѣстѣ и устроить какой-нибудь въ своемъ родѣ пиръ—особенно обставленную ѣду. Въ самыхъ глухихъ углахъ, куда не проникла еще въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ книга, вы найдете въ лавчонкахъ разные гастрономическіе деликатесы; когда ѣдятъ что-нибудь особенно вкусное, имѣетъ значеніе не только усвоеніе извѣстныхъ химическихъ веществъ, но и вызываемая приготовленіями къ этой ѣдѣ и самой ѣдой эмоція, подстегивающая организмъ. Значительно рѣже дѣйствующая, но необыкновенно могучая эмоція—это половая: она временами цѣликомъ захватываетъ человѣка и потрясаетъ его до самой глубины его существа. Эта эмоція характеризуется еще тѣмъ, что съ ней соединяется и на ея почвѣ обычно вырастаетъ необыкновенно интенсивный и сложный комплексъ чувствъ, стремленій, идеаловъ и т. п. Легко понятны и значеніе, и сила этой эмоціи, такъ какъ съ ней связано размноженіе, составляющее условіе существованія жизни. Кромѣ этихъ двухъ эмоцій, мы могли бы перечислить еще другія, связанныя съ самосохраненіемъ живого существа. Мы не должны пренебрегать ни однимъ изъ этихъ, заложенныхъ въ насъ, нервныхъ механизмовъ, но среди нихъ мы найдемъ и цѣлый рядъ могущественныхъ эмоцій альтруистическаго характера. Наша задача заключается въ томъ, чтобы добиться жизни яркой, могучей и прочной, и въ этомъ отношеніи заложенные въ насъ соціальные инстинкты должны имѣть очень большое значеніе. У первобытнаго человѣка опасность, грозящая племени, вела къ подъему и бурному проявленію имѣвшейся въ его распоряженіи нервной энергіи, въ результатѣ чего онъ выходилъ болѣе сильнымъ и физически, и нравственно. Точно также и современный человѣкъ въ альтруистическомъ подъемѣ духа найдетъ путь къ физическому и душевному преуспѣянію. Наоборотъ, изъ этого несомнѣнно вытекаетъ, что борьба съ такимъ могучимъ механизмомъ, какъ соціальныя и альтруистическія

эмоціи, должна крайне вредно отражаться на интенсивности и качествѣ душевной жизни.

Нужно ли изъ этого заключать, что каждая эмоція священна и бороться съ ними нельзя? Ни въ какомъ случаѣ. Здѣсь тоже необходимо установить лѣстницу средствъ, способныхъ подымать интенсивность душевной жизни, какъ это уже и дѣлалось для удовольствій, которыя раздѣлялись гедонистами на высшія и низшія. Самое простое и доступное средство для временнаго поднятія тонуса нервной системы, ея подбадриванія—это химическія вещества: опій, морфій, кокаинъ, алкоголь, затѣмъ, изъ употребляемыхъ ежедневно въ широкихъ кругахъ—кофе и чай. Первыя изъ нихъ, какъ извѣстно, оказываютъ въ высшей степени разрушающее вліяніе на организмъ при многократномъ употребленіи. Ѣда, какъ мы видѣли, представляетъ собой важный факторъ для подбадриванія нервной системы, но пользованіе имъ возможно только въ ограниченныхъ размѣрахъ. Проявленіе полового инстинкта связано сложными условіями; наибольшаго, дѣйствительно полнаго своего значенія онъ достигаетъ тогда, когда онъ связанъ съ проявленіемъ высшихъ сторонъ душевной жизни, когда объектъ его удовлетворяетъ высшимъ для индивидуума эстетическимъ и моральнымъ требованіямъ. Половая же эмоція, какъ повторное средство, чтобы встряхнуться, ведетъ такъ или иначе къ депримированію личности и когда низшая сторона инстинкта выступаетъ на первый планъ въ жизни человѣка, мы имѣемъ уже обыкновенно душевную жизнь низшаго качества, какъ въ смыслѣ богатства содержанія, такъ и интенсивности душевныхъ процессовъ.

Такимъ образомъ, соціальныя и альтруистическія эмоціи являются драгоцѣннымъ средствомъ для того, чтобы поднять богатство и интенсивность душевной жизни.

Подведя итоги нашей работы, мы приходимъ къ заключенію, что основу нравственности составляетъ нравственный импульсъ, который представляетъ собою инстинктъ, выработанный нашими предками и унаслѣдованный нами отъ нихъ. Въ этомъ инстинктивномъ стремленіи дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи мы различаемъ двѣ стороны. Во-первыхъ, по отношенію къ внѣшнему міру оно заставляетъ человѣка дѣйствовать въ направленіи

общей пользы; во-вторыхъ, по отношенію къ внутреннему міру человѣка это стремленіе ведетъ, какъ мы старались показать, къ наибольшему расцвѣту и полнотѣ душевной жизни.

Такимъ образомъ, по отношенію къ внутреннему міру человѣка, нравственность есть для насъ не что иное, какъ совокупность правилъ душевной гигіены; нравственно то, что ведетъ къ наибольшему процвѣтанію душевной жизни; нравственность есть отдѣлъ гигіены—гигіена духа. Соотвѣтственно этому, Паульсенъ говоритъ, что этика относится вообще къ наукѣ о человѣкѣ (антропологіи) такъ, какъ медицина относится къ физической наукѣ о человѣкѣ. Какъ медицина, на основаніи познанія тѣлесной природы человѣка, даетъ руководство къ тому, какъ рѣшать задачи жизни тѣла такъ, чтобы эта жизнь протекала до самаго своего конца въ здоровомъ развитіи всѣхъ своихъ функцій, точно такъ же этика на основаніи всесторонняго познанія человѣческой природы, особенно ея душевныхъ и соціальныхъ сторонъ ставитъ себѣ цѣлью дать руководство къ тому, чтобы рѣшить задачи жизни такимъ образомъ, чтобы послѣдняя достигла наиболѣе богатаго, красиваго и совершеннаго развитія. Въ виду этого, по мнѣнію Паульсена, этику можно было бы опредѣлить, какъ общую діэтетику, по отношенію къ которой медицина вмѣстѣ съ другими практическими отраслями знанія, какъ педагогика, политика и т. п., являлись бы отдѣльными частями или подсобными науками. Это была бы совершенно точка зрѣнія, говоритъ Паульсенъ, основателя систематической моральной философіи, Аристотеля [1]).

Гигіена заключаетъ въ себѣ два разныхъ рода предписаній, касающихся оздоровленія условій жизни: съ одной стороны, относительно внѣшнихъ условій организаціи человѣческихъ общежитій, напримѣръ, устройства водоснабженія, снабженія городовъ мясомъ, молокомъ, устройства жилищъ и т. п., съ другой же стороны, предписанія, касающіяся жизни индивидуума: распредѣленіе времени между отдыхомъ и работой, необходимость физическихъ упражненій, удаленіе всего, что депримирующимъ образомъ дѣйствуетъ на психику, и т. п. Соотвѣтственно этому, этику съ гигіеной можно сближать съ двухъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны, этика указываетъ такой характеръ человѣческихъ отно-

---

[1]) Paulsen. System der Ethik. Stuttgart u. Berlin, 1903, Bd. I, S. 2.

шеній, при которомъ жизнь общества будетъ протекать наиболѣе совершеннымъ образомъ; съ другой же стороны, этика можетъ указывать такое направленіе душевной жизни индивидуума, которое наиболѣе способствуетъ процвѣтанію послѣдней. Вотъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мы и сближаемъ этику съ гигіеной.

Въ началѣ нашей работы, мы поставили себѣ цѣлью разрѣшить вопросъ, можно ли, не прибѣгая къ сверхрацiональнымъ факторамъ, обосновать чувство нравственнаго долга. На этотъ вопросъ мы теперь можемъ отвѣтить утвердительно: слѣдовать велѣніямъ чувства нравственнаго долга разумно, такъ какъ повиновеніе ему влечетъ за собою наибольшую полноту и развитіе душевной жизни, что является наиболѣе цѣннымъ благомъ для человѣка. Правда, характеръ повиновенія въ этомъ случаѣ будетъ уже нѣсколько иной. Это уже не будетъ повиновеніе таинственной, божественной силѣ, указующей намъ извнѣ путь, которому мы должны слѣдовать; это будетъ слѣдованіе нашему внутреннему голосу, который представляетъ собой лучшее, что есть въ природѣ человѣка и повиновеніе чему соотвѣтствуетъ благу его носителя. Человѣкъ не совершитъ какого-нибудь безнравственнаго поступка въ силу отвращенія передъ нимъ, такъ же, какъ онъ съ отвращеніемъ отвернется отъ гнилого мяса, и то, и другое онъ сдѣлаетъ, повинуясь вложенному въ него чувству, которое онъ признаетъ цѣлесообразнымъ, такъ какъ оно защищаетъ его отъ того, что для него вредно.

Въ этомъ процессѣ измѣненія отношенія къ нравственному чувству мы видимъ дальнѣйшую ступень измѣнившагося отношенія вообще къ гигіеническимъ правиламъ. Такъ, у всѣхъ народовъ санитарныя предписанія первоначально обосновывались божественной волей. Потеряютъ ли предписанія нравственнаго чувства силу вслѣдствіе того, что они не будутъ обосновываться сверхрацiональными мотивами? Ни въ какомъ случаѣ. Будетъ ли поведеніе нравственно или нѣтъ, зависитъ отъ того, имѣются ли въ насъ соотвѣтствующія стремленія (инстинктъ), а изъ различныхъ объясненій цѣлесообразности нашего поведенія, вытекающаго изъ этого инстинкта, необходимо принять то, которое совпадаетъ съ остальнымъ нашимъ міросозерцаніемъ, а не такое, которое является въ нашей душевной жизни чѣмъ-то инороднымъ. Послѣднее бываетъ въ томъ случаѣ, когда послѣдовательный детерминистъ, по отношенію къ проявленіямъ внѣшняго міра,

принимаетъ сверхрацiональные факторы, когда дѣло касается его душевнаго мiра.

Съ точки зрѣнiя, которую мы излагали здѣсь, не относится къ области нравственности то, что дѣлается по предписанiю извнѣ. Гетерономная мораль не можетъ существовать. Мораль всегда автономна—это слѣдованiе такимъ мотивамъ, которые вытекаютъ изъ внутренняго душевнаго мiра.

Въ нашей душѣ можетъ существовать множество привычекъ, навыковъ и т. п., наложенныхъ на насъ обстоятельствами жизни, внѣшней средой. Всѣ эти навыки и наклонности только въ томъ случаѣ будутъ, съ нашей точки зрѣнiя, относиться къ области нравственности, если они будутъ обладать однимъ общимъ свойствомъ, а именно, способностью повышать интенсивность душевной жизни: нравственъ тотъ душевный импульсъ, который благопрiятствуетъ развитiю душевныхъ силъ; по отношенiю къ внѣшнему мiру онъ характеризуется тѣмъ, что онъ направленъ къ общему благу.

Когда человѣкъ рискуетъ серьезными благами или даже жизнью ради какого-либо дѣла, то этотъ поступокъ даетъ болѣе высокiй тонъ его жизни: душевные процессы его происходятъ съ большей силой и яркостью. Значенiе самопожертвованiя для характера и содержанiя душевныхъ процессовъ проявляется даже черезъ много времени послѣ самаго акта жертвы. Такъ, мы можемъ встрѣтить людей, живущихъ въ обыденной обстановкѣ такъ же, какъ живутъ и окружающiе ихъ, но то обстоятельство, что они участвовали въ общественной, политической, нацiональной борьбѣ за идеалы, бросаетъ свѣтъ на всю ихъ послѣдующую жизнь на ихъ душевный строй. Благородный, геройскiй поступокъ повышаетъ интенсивность, яркость душевныхъ переживанiй, обогащаетъ душевный мiръ не только у того, кто былъ дѣйствующимъ лицомъ, но поступокъ героя отбрасываетъ свѣтъ и на его окружающихъ, и часто семья, племя, нацiя, государство пользуется тѣмъ душевнымъ тепломъ и свѣтомъ, которые внесъ подвигъ одного человѣка.

Даже пожертвованiе жизнью за другихъ является съ этой точки зрѣнiя понятнымъ и оправдываемымъ. Во-первыхъ, это самопожертвованiе является выраженiемъ наивысшаго проявленiя воли, когда человѣкъ чувствуетъ, что онъ полный себѣ хозяинъ и держитъ въ рукахъ свою судьбу; во-вторыхъ, самопожертво-

ваніе ведетъ къ наиболѣе яркому интенсивному проявленію душевныхъ процессовъ и можетъ представлять собою самое яркое душевное переживаніе всей жизни, красота котораго затмеваетъ все остальное. Наконецъ, человѣкъ можетъ очутиться передъ полной невозможностью отказаться отъ пожертвованія своей жизнью за другихъ, такъ какъ сохраненіе жизни при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть соединено въ его глазахъ съ такимъ обезцѣненіемъ личности, которое дѣлаетъ дальнѣйшую жизнь для него невозможной.

Наиболѣе близка къ изложеннымъ нами взглядамъ точка зрѣнія Гюйо, который говоритъ, что альтруизмъ есть проявленіе жизни, богатой силами, взглядъ же, защищаемый здѣсь, представляетъ дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи и утверждаетъ, что альтруизмъ есть не только проявленіе богатства жизни, но и *условіе* сильной и здоровой жизни. По Гюйо, когда человѣкъ здоровъ и полонъ жизненныхъ силъ, онъ не можетъ не быть альтруистомъ, а когда въ немъ жизненныя силы падаютъ, то тогда исчезаетъ и альтруизмъ. Мы же старались доказать, что альтруизмъ является не только проявленіемъ богатой жизни, но и тѣмъ средствомъ, съ помощью котораго мы можемъ поднять интенсивность жизни до ея высшихъ ступеней; это тотъ путь, по которому изъ слабой жизни можно сдѣлать сильную и глубокую.

Взгляды, излагаемые здѣсь, близко подходятъ къ воззрѣніямъ Ницше, такъ какъ согласно и той, и другой точкѣ зрѣнія слѣдуетъ добиваться наиболѣе богатаго, могучаго, полнаго развитія человѣческой личности; только, по Ницше, оно можетъ быть достигнуто отрѣшеніемъ отъ вѣковыхъ моральныхъ принциповъ, выработанныхъ человѣчествомъ, а соотвѣтственно нашей точкѣ зрѣнія, наиболѣе полное, яркое, сильное развитіе человѣческой личности возможно только при альтруистическомъ направленіи душевной жизни.

Какъ извѣстно, отношеніе къ окружающему можетъ складываться двояко: или можно изучать то, что есть, или же предъявлять къ нему требованія, которымъ оно, съ нашей точки зрѣнія, должно удовлетворять. Этика относится къ второму отдѣлу наукъ; она имѣетъ нормативный характеръ. Очевидно, что и при той точкѣ зрѣнія, которую мы здѣсь излагали, нормативный характеръ нравственныхъ истинъ сохранится. Нравственно то, что

удовлетворяетъ нашему идеалу, то, что ведетъ къ наиболѣе полному и яркому проявленію личности; съ нашей точки зрѣнія, какъ мы старались показать, это возможно въ наиболѣе полной мѣрѣ только при соціальномъ направленіи поведенія. Очевидно, и при этомъ міросозерцаніи дѣйствительность будетъ сталкиваться со стремленіемъ воплотить идеалъ, и нравственная жизнь будетъ заключаться въ борьбѣ за этотъ идеалъ.

Вліяніе душевныхъ процессовъ на жизнь тѣла представляетъ собою старую установленную истину. Новѣйшія данныя физіологіи указываютъ еще въ большей степени на эту зависимость физіологическихъ процессовъ отъ психическихъ. Несомнѣнно, яркая, полная, богатая душевная жизнь должна въ высшей степени благотворно вліять на устойчивость организма противъ болѣзнетворныхъ факторовъ. А такъ какъ этическое направленіе душевной жизни, какъ мы старались показать, дѣйствуетъ въ направленіи усиленія яркости и богатства душевной жизни, то оно вліяетъ благотворно и на физіологическіе процессы организма. Эта сторона вопроса развивается мною подробно въ книгѣ «Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ» [1]), къ которой мы и отсылаемъ тѣхъ, кто заинтересуется этой стороной вопроса.

Выше мы цитировали Гефдинга и Паульсена по поводу того, что при ихъ этическихъ построеніяхъ послѣдовательный аморализмъ логически неуязвимъ. Въ этомъ вопросѣ для насъ ясно превосходство точки зрѣнія, излагаемой нами. Держась ея, мы можемъ логически доказать человѣку, лишенному нравственнаго чувства, что онъ существо низшаго порядка, такъ какъ даже съ индивидуалистической точки зрѣнія отсутствіе альтруистическихъ чувствъ наноситъ крупнѣйшій ущербъ развитію душевной жизни человѣка, какъ въ смыслѣ меньшаго богатства и яркости интеллектуальной жизни, такъ и въ смыслѣ ограниченія для него возможности воздѣйствія на окружающее.

Такъ какъ основное свойство душевныхъ движеній, относящихся къ области нравственности, заключается въ томъ, что они благопріятствуютъ наиболѣе полному развитію душевныхъ силъ, то съ этой точки зрѣнія они являются величайшимъ благомъ для носителя ихъ и составляютъ одно изъ главныхъ орудій человѣ-

---

[1]) А. Яроцкій. Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ. Юрьевъ, 1908.

ка въ борьбѣ за существованіе. Эта точка зрѣнія не совпадаетъ съ общепринятой: на основаніи писемъ и отзывовъ по поводу моей книги «Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ» я пришелъ къ выводу, что въ глазахъ широкихъ круговъ нравственность, представляя важный и необходимый факторъ общественнаго устройства, для носителя ея является чуждымъ, наложеннымъ извнѣ бременемъ, дѣлающимъ человѣка болѣе уязвимымъ вреднымъ воздѣйствіямъ окружающаго. Послѣ сдѣланнаго нами анализа вліянія нравственнаго чувства на душевную жизнь, мы можемъ значительно легче разобраться въ этихъ сложныхъ явленіяхъ. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ двѣ системы соотношеній: съ одной стороны, внутреннія условія наибольшаго процвѣтанія человѣческой личности, съ другой стороны—зависимость личности отъ условій среды, которая ее окружаетъ. Какъ извѣстно, совершенно не соотвѣтствовало бы дѣйствительности предположеніе, что эволюція всегда и повсюду идетъ въ направленіи прогресса, точно также было бы совершенно неосновательно думать, что сильная и большая личность можетъ возникнуть всегда и при всякихъ условіяхъ окружающей среды: тамъ, гдѣ могутъ жить только пигмеи, нѣтъ мѣста для нормальныхъ людей. Несомнѣнно, идеалы могутъ явиться причиной гибели человѣка, когда они не соотвѣтствуютъ внѣшнимъ условіямъ. Мы можемъ представить себѣ отношенія между личностью и средой слѣдующимъ образомъ. Каждое живое существо стремится достигнуть наиболѣе полнаго проявленія жизни. Какъ мы старались выяснить, стремленіе осуществить нравственные идеалы есть такое направленіе душевной жизни, которое обезпечиваетъ ей наибольшій расцвѣтъ, и такъ какъ послѣднее составляетъ наивысшее благо для человѣка, то, несомнѣнно, онъ долженъ стремиться жить соотвѣтствующимъ образомъ. Съ другой стороны, условія жизни могутъ быть таковы, что они не допускаютъ развитія сильныхъ, здоровыхъ и гармонично развитыхъ индивидуумовъ. Представимъ себѣ государство такого сорта, въ которомъ, чтобы занять мѣсто перваго министра, нужно быть евнухомъ. Въ этомъ случаѣ передъ индивидуумомъ возникаетъ вопросъ или занять выдающееся положеніе и изуродовать себя или не калѣчить себя, но отказаться отъ тѣхъ выгодъ, которыя даетъ изуродованіе. Нѣчто подобное предстоитъ рѣшить на своемъ жизненномъ пути каждому человѣку: онъ выбираетъ, что по его мнѣнію слѣдуетъ

предпочесть, богатое ли душевное развитіе, которое получится въ результатѣ жизни, направленной по пути этическихъ нормъ и идеаловъ, или внѣшнія выгоды, получаемыя за счетъ большаго или меньшаго урѣзыванія своей душевной жизни. Часто уменьшеніе цѣнности личности такъ значительно, что выгоды, даже оцѣниваемыя только съ внѣшней стороны, не искупаютъ ущерба. Такимъ образомъ, стремленіе осуществить свои идеалы и борьба за нихъ есть частный случай борьбы живыхъ существъ за наиболѣе полное проявленіе жизни.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ